

**Произведение И.А. Гончарова «Обломов» в оценке критиков
разных эпох**

Ольга Хухка
Университет г. Тампере
Институт современных языков, переводоведения и литературоведения
Русский язык и культура
Дипломная работа
Декабрь 2014

Tampereen yliopisto
Venäjän kieli ja kulttuuri
Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö

HUHKKA, OLGA: Proizvedenie I.A. Gončarova ”Oblomov” v oçenke kritikov raznyh epoh / I.A. Gončarovin teos ”Oblomov” eri aikakausien kriitikkojen arvioinnissa

Pro-gradu -tutkielma, 65 sivua
Joulukuu 2014

Tutkielmassa tarkastellaan I.A. Gončarovin Oblomov – teoksen eri aikakausien kirjallisuuskritiikkiä. Tavoitteena on selvittää, miten teos on nähty eri aikoina ja miten se tulkittiin. Tutkimuksen hypoteesina on oletamus, että eri aikakausien kriitikot tulkitsivat ja näkivät teoksen päähenkilöä Oblomovia eri tavalla, koska siihen vaikuttivat kunkin ajan yhteisön ideologia. Analyysia varten valittiin kuusi tieteellistä artikkelia, joista kolme ajoittuu 1900–luvulle, kaksi 1950–1970 –luvulle ja yksi on vuodelta 2013. Nämä artikkelit ovat työn primaariaineistona. Ennen analyysia tutkielmassa tarkastellaan kirjallisuuskritiikin teoriaa sekä perehdytään kyseisten aikakausien historiaan, mikä auttaa hahmottamaan kokonais kuvaa siitä ajasta ja yhteisöstä.

Kirjallisuuskritiikin teoriaa tarkastellaan pääosin Hans Robert Jaussin teorian kautta. Jauss käsittelee teoriassaan laajasti reseption merkitystä sekä kirjailijan ja lukijan suhdetta. Reseptio on tärkeä käsite tämän tutkielman kannalta, koska se tarkoittaa juuri sitä lukijoiden vastaanottoa, mitä tavoitellaan analyysissa.

Teoreettisessa osassa ja analyysissä teksti on jaettu kolmeen osaan, joista yksi sisältää 1900–luvun historiaa ja sen ajan kirjallisuuskritiikkiä, toinen osa sisältää Neuvostoliiton historiaa ja silloisten kriitikoiden artikkeleita ja kolmas osa kuvaa nykyistä aikaa ja nykyisen kriitikon artikkelia. Yksi luvuista sisältää myös lyhyen tiivistelmän Oblomovin elämästä.

Tässä havaittiin, että tutkimukselle asetettu hypoteesi pitää paikkansa. Kunkin aikakauden kriitikot katsoivat Gončarovin teosta yhteiskunnan luoman prisman kautta. 1900–luvulla suhtauduttiin negatiivisesti Oblomoviin, koska hän oli maanomistaja ja teoksen ilmestymisen aikaan Venäjällä vaadittiin maanorjien vapauttamista. Negatiivinen suhde Oblomoviin näkyy kriitikoiden artikkeleissa, joissa he moittivat maanomistajaa hänen laiskuudestaan. Neuvostoliiton aikainen kritiikki oli myös pääosin negatiivinen, koska kirjan päähenkilö Oblomov vietti päiviään nukkumalla sohvalla, mikä oli Neuvostoliiton periaatteiden vastaista toimintaa. Neuvostoliiton iskulauseena ja mottona oli jatkuva työn teko ja ahkeruus. Sen takia kirjan päähenkilö nähtiin antisankarina, josta ei saa ottaa mallia. Nykyaikainen kritiikki eroaa täysin kahdesta edellisestä. Nykyaikainen kriitikko ei ole sidottu maaorjuuteen, eikä häntä paina Neuvostoliiton aikaiset iskulauseet. Hänellä on enemmän vapautta, mikä antoi hänelle mahdollisuuden pohtia eri näkökulmista syitä Oblomovin elämäntapaan, yrittää ymmärtää päähenkilön filosofiaa ja osoittaa myötätuntoa Oblomovia kohtaan.

Содержание

Введение	2
1. Литературная критика.....	3
1.1. Роль литературной критики.....	3
1.3. Социальная роль литературы	7
2. Русская литературная критика	10
2.1. XVIII век.....	10
2.2. XIX век	11
2.3. Литературный мир глазами советского читателя.....	13
2.4. Литературная критика в 2000-е гг.....	17
3. О романе «Обломов».....	18
3.1. Детство Ильи Обломова.....	18
3.2. История любви Ильи Ильича Обломова как временное пробуждение	20
3.3. Повороты судьбы Ильи Ильича и возврат к исходному.....	21
4. Критика XIX века	24
4.1. «Что такое обломовщина?» – роман глазами Н.А. Добролюбова	24
4.2. «Обломов» в критике А.В. Дружинина	30
4.3. «Обломов» в критике Д.И. Писарева.....	35
5. Советская и современная критика о произведении «Обломов».....	40
5.1. Советская критика	40
5.1.1. «Обломов» в критике А.Г. Цейтлина	40
5.1.2. «Несовершенный человек»	44
5.2. Современная критика	50
5.2.1. «Обломов любезен всем нам и стоит беспредельной любви?»	51
Заключение.....	57

Введение

Произведение "Обломов", написанное в XIX веке И.А. Гончаровым, остается до сих пор актуальным и вызывает интерес критиков. Гончаров написал свою книгу во времена кризиса феодально-крепостнической системы, когда в обществе, разделенном на социальные слои, назревали новые, прогрессивные отношения. В сюжете заложены две темы: тема крестьян и тема помещиков. И.И. Обломов относился к помещикам и с детства привык к такому образу жизни, при котором ему самому ничего не надо делать. Согласно автору произведения, этот роман отражает картину жизни русского дворянина-помещика, начиная с его детства и заканчивая последними днями его жизни (Недзвецкий 1992: 41).

Задачей нашей работы является проанализировать научную критику на произведение И.А. Гончарова «Обломов» и выяснить, каким видели произведение «Обломов» в разное время. Гипотезой нашего исследования является предположение, что критики разных времен видели как произведение Гончарова, так и образ Обломова по-разному, исходя из того времени и того общества, в котором жили. В исследовании мы будем рассматривать критику XIX века, а также критику советского и настоящего времени. Главный вопрос нашего исследования следующий: Каким образом критики разных эпох видят произведение "Обломов"?

В теоретической части нашей работы мы рассматриваем предмет нашего исследования: критику литературной критики, и рассказываем об ее истории, функциях и роли. Понятие литературной критики, а также роли в ней читателя очень важны с точки зрения нашего исследования. Также мы рассмотрим важный для нашей работы вопрос – эстетическую рецепцию Г-Р. Яусса, и восприятие текста читателями. В аналитической части мы уже перейдем к анализу критических статей, начиная с критиков XIX века – Н.А. Добролюбова, А.В. Дружинина и Д.И. Писарева. Статьи именно этих критиков очень важны, т.к. они положили начало всей критике данного произведения. Критики со своей точки зрения рассмотрели главную идею романа и раскрыли читателям основные темы и вопросы произведения. Их статьи дали почву для дальнейших обсуждений и таким образом рождалась все новая и новая критика.

1. Литературная критика

В этой главе мы рассмотрим литературную критику, ее историю, функции, социальную роль, а также проведем разбор некоторых литературно-критических статей. Корни литературной критики уходят глубоко в Древнюю Грецию. Еще Аристотель и Платон задумывались над вопросами литературной критики и писали о ней. Нам интересна также история литературы, поскольку она является процессом, соединяющим эстетическую рецепцию и эстетическую продуктивность. Этот процесс формируется, благодаря актуализации письменного текста с помощью читателя, критика и писателя. (Jauss 1983: 200.) Прежде, чем ознакомиться с историей, мы определим характерную особенность критики, как одного из вариантов литературной деятельности.

1.1. Роль литературной критики

Литературная критика является отдельной областью художественной литературы и литературоведения и занимается оценкой литературных произведений. Само слово «критика» пришло из греческого языка и обозначает обсуждение какого-либо предмета (Прозоров 2002: 7). Хуотари (1980) пишет о трех видах критики. К первому виду относится критика только одного произведения. Ко второму виду относится критика сразу нескольких произведений в одном сборнике. К третьему виду относится критика одного или нескольких произведений, собранная в нескольких выпусках одного издания. (Huotari 1980: 11.) Эти три вида заинтересовали нас, т. к. к каждому из них относятся сборники критики произведения «Обломов», которые мы будем анализировать в нашей работе.

Следует отметить, что литературная критика и литературоведение не являются синонимами. Литературоведение занимается научным исследованием литературных явлений, и произведения литературоведов публикуются в научных изданиях. Литературная критика представляет собой критику произведений, а также их обзор, предназначенные для широкого круга читателей. (Vargio 1977: 8.) О литературной критике, читателе и писателе написал в своей схеме социолог Х. Данкан. По мнению Данкана, критик известен в обществе как человек, который раскрывает читателям смысл произведения. Схема представлена в виде треугольника, в котором верхний угол обозначает писателя, а нижние левый и правый углы – критика и читателей. Связь между этими тремя сторонами периодически меняется, но при этом связь критика с аудиторией сильнее. (Duncan 1967: 195.)

В русском языке слово «критик» впервые употребил поэт А.Д. Кантемир в примечаниях к своему произведению «О воспитании». Кантемир писал, что очень сожалеет об отсутствии этого слова в русском языке. Вместо слова «критик» писали «острый судья» или «всякий, кто рассуждает наши дела», в то время, как во Франции активно использовали слово critique. После выхода в свет примечаний Кантемира, слово «критика» было подхвачено другими и, таким образом, привилось в русском языке. (Кулешов 1978: 13.) Когда мы говорим о литературной критике, то имеем в виду высказывания критиков в научных статьях или сборниках. Авторы критики могут быть как критиками, так и литературоведами. Литературная критика считается также и одним из видов искусства.

Статьи критиков помогают читателям глубже понять смысл литературного произведения. Литературная критика повышает уровень образованности читателя тем, что исследует не только художественное произведение, но и отраженные в нем явления жизни и общества. Читая критику, читатели знакомятся с методом исследования текста, который выбрал автор статьи и оценивают героев произведения по восприятию их автором. Хорошими образцами анализа произведения являются статьи В.Г. Белинского, А.В. Дружинина и Н.А. Добролюбова. Для более полного понимания произведения необходимо ознакомиться с разными, противоположными оценками критиков. Сравнение различных суждений дает читателям право выбора и возможность самостоятельно и полноценно оценить художественное произведение и сформировать свою личную точку зрения.

Каждую критическую статью следует рассматривать во взаимосвязи с эпохой и конкретным историческим временем написания. Нужно обратить внимание на общественно-политические события в стране, которые могли вызвать появление статьи, а также на литературное творчество самого автора и его современников. Важно, чтобы читатели поняли, почему критик именно так оценивает произведение. При анализе критической статьи важно ознакомиться с личностью критика, его биографическими данными. Мировоззрение критика, его связь с определенными слоями общества влияют на оценку произведения. При анализе критической статьи важно понять, к какому жанру она относится и каковы ее стилистические особенности. Прозоров пишет о видах критического жанра, к которым относятся литературно-критические статьи, письма, циклы статей, обзоры, очерки, рецензии, и в том числе программные манифесты, эссе, диалоги, библиографические заметки и аннотации (Прозоров 2002: 13).

1.2. Роль читателя в литературной критике

Роль читателя в литературной критике очень важна. Между писателем и читателем всегда есть особая связь. Читая книгу, человек словно погружается в мир писателя, а писатель оказывается рядом с ним, в одной комнате. (Krohn 2007: 26.) Воздействие литературного произведения на читателя называется рецепцией. Само слово «рецепция» пришло из латинского языка и означает «принятие», «восприятие» (Фелицына, Шмелева 1961: 1274). Рецепция может проявиться в разных формах: спонтанно, критически, реактивно или научно. Она делится на две части: первичная и вторичная. Первичная означает самую первую реакцию читателя. Под вторичной подразумевается уже осознанное понимание читателем текста. (Vargio 1982: 19.) Как пишет Ганс-Роберт Яусс, без восприятия читателей не существовало бы и исторической жизни литературного произведения. Благодаря именно рецепции происходит процесс, в котором читатели не просто воспринимают произведение, они находят к нему критический подход. Читатели активизируют свое восприятие и способны даже в этом процессе пересмотреть свои эстетические нормы. (Jauss 1983: 198.)

Яусс положил начало новому методу исследования в современной литературе — рецепции. Восприятие произведения читателем называется в литературном мире рецепцией. Качество и ранг литературного произведения определяются не биографическими или историческими условиями его возникновения и не просто местом в последовательности развития жанров, а трудноуловимыми критериями художественного воздействия, рецепции и последующей славы произведения и автора. (Jauss 1970: 147.) В основе этой теории лежит утверждение о том, что только читатели способны оценить смысл художественного произведения. Таким же читателем является и сам критик, который дает оценку произведению после его прочтения (Jauss 1970: 169.) В существующих между литературой и читателями отношениях присутствуют эстетические и исторические влияния. Эстетические влияния формируются при первичной рецепции. Это происходит в связи с тем, что читатели подсознательно сравнивают прочитанное с уже полученным ранее опытом. Исторические влияния проявляются тогда, когда восприятие самого первого читателя передается из поколения в поколение непрерывной цепочкой. Таким образом, литература приобретает историческую значимость, а также является эстетической ценностью. В этом рецептивно-историческом процессе восприятие литературных произведений минувших лет происходит одновременно с процессом взаимовлияния устаревших и современных видов искусства. Рецептивно-эстетически обоснованные ценности истории литературы зависят от того, насколько активно

эта история готова взаимодействовать с прошлым, с помощью эстетического опыта. (Jauss 1983: 199.) По мнению Яусса, художественное произведение не отражает реальную действительность. По мере исторического развития ряд литературных произведений рассматривается во взаимосвязи не только авторов, но и потребляющих произведение субъектов, т.е. во взаимодействии писателя и публики. (Jauss 1970: 164.) У каждого читателя возникают свои переживания, мысли, эмоции по отношению к тексту. Они основаны на личном опыте и воображении читателя. Безусловно, идеальным читателем является сам автор непосредственно в тот момент, когда писал свое произведение. Рецептивная эстетика предполагает, что для понимания смысла художественного произведения необходимо проанализировать и установить все исторические этапы его восприятия (Jauss 1970: 167.)

Сторонники рецептивной эстетики ввели особое понятие – ”горизонт ожидания” – для определения отношений между автором и читателем. Горизонт ожидания — это литературно-эстетическое ожидание читателя от самого произведения. Оно пробуждает воспоминание об уже прочитанном, вызывает в читателе определенную эмоциональную установку, которая характеризует его отношение к произведению. (Jauss 1970: 175.) Ожидание читателя зависит от его образования, вкусов и во многом определяет судьбу литературы и влияет на авторитет писателя. Свой горизонт ожидания есть и у автора, который пытается вступить с читателем во взаимодействие. Таким образом, Яусс формулирует новое понимание литературы. Оно заключается в том, что смысл и значение произведения не являются постоянной величиной, они меняются по ходу истории. Они продолжают заново воздействовать и восприниматься последующими поколениями, в том числе и теми читателями, которые хотят по-новому понять произведение прошлого. Помимо этого, отношения литературы и читателя актуализируются в качестве рецепции, которая может быть «первичной рецепцией» современников и «вторичной рецепцией» позднейших читателей. (Jauss 1970: 170, 173.)

Когда новое литературное произведение выходит в свет, то оно не является для читателя абсолютно новым информационным источником. Всегда есть определенная группа читателей, которая воспринимает произведение, как ожидаемое, находит в нем знакомые, ясные понятия и сигналы. Они пробуждают в памяти уже прочитанное ранее, приводят читателя в определенное эмоциональное состояние и рождают уже в начале чтения ощущение ожидания того, как будет построено произведение в середине и в конце. Возможно, в процессе чтения возникнут изменения в восприятии его, и в зависимости от текста и возможности его трактовки, изменится и направленность художественного

произведения. Последовательность событий, возникающая на ментальном уровне за счет восприятия текста, не является следствием случайных субъективных влияний. Это уже результат тех импульсов, которые были посланы теми самыми возникшими на ментальном уровне событиями. Например, произведение Мигеля де Сервантеса «Дон Кихот» вводит читателей в горизонт ожидания рыцарских времен. (Jauss 1983: 202–203.)

На примере произведения И. Гончарова «Обломов» можно показать, как менялось восприятие читателями образа Обломова, начиная с момента его создания до наших дней. Например, в конце XIX в. образ Обломова воспринимался негативно. В период бунтов и волнений крепостных крестьян, праздная и беспечная жизнь Обломова вызывала раздражение. Образ главного героя не был принят читателями и в советские времена, т.к. тогда стремились к устранению классового неравенства. Литературная критика отражает в себе оценку художественного произведения. Она неизбежно связана с эпохой и конкретным историческим временем написания. Критика не может существовать без роли читателя в ней, т.к. в критике формируется треугольник отношений писателя, читателя и критика. Поэтому рецептивная эстетика занимает в литературной критике особое место. Принятие читателем произведения определяет во многом его судьбу, а также влияет на авторитет писателя.

1.3. Социальная роль литературы

Литература является частью целостной системы культуры. Она живёт в сообществе с другими, в том числе и не языковыми искусствами. Она всегда связана с реальным состоянием общества и зависит от всей национальной жизни общества. (Бочаров 1997: 23.) Социология литературы, как часть социологии культуры должна реализоваться в демонстрации её исторического характера. (Гудков, Дубин 1994: 16.) Рассматривая социальную роль литературы, можно говорить о литературе как о социальном институте.

На ранних этапах, до XVIII века, литература ещё не являлась художественной (в современном понимании), а в ней преобладали коммуникативные элементы. Развитие поэзии было связано с историческими событиями. Появляются "песни" об Илье Муромце и "пирях Владимировых", которые связаны с героическими периодами нашей истории, а религиозные песнопения – в связи с распространением христианства. (Прозоров 2002: 33). Таким образом, начинает складываться традиция собирания и систематизации фольклора как "памятника народного творчества" в виде легенд и песен. Это укрепляло общественную роль писателя и его культурную значимость. Ломоносов в "Предисловии о пользе книг церковных в

русском языке" (1758) говорит, что высоким штилем пишутся героические поэмы и оды. (Кормилов 1997: 36.)

На рубеже XVII - XVIII вв. происходит взаимопроникновение идей "литературы" и "образования". В Европе появились университеты, в систему обучения которых вводилось античное наследие. Девизом новых педагогических идей было "образуй себя по-гречески" (Гудков, Дубин 1994: 18.) В XVIII в. существенно специализируется понятие "литература". С одной стороны, появляются сообщества писателей, то есть группы образованных людей со своей культурой, членством и поведением в этих "закрытых" кружках. (там же: 8.) С другой стороны, группе избранных противопоставляется "публика". Стали складываться социальные предпосылки для утверждения литературного статуса, как культурной ценности, а также для автономизации литературы. (там же 1994: 20.) Начинает развиваться книгоиздательская деятельность, что позволило тиражировать и выводить литературу из прежних "салонов" и кружков. Появление различных журналов, подписных изданий расширяло книжный рынок. (там же 1994: 38–39.)

Между различными литературными группами началась конкуренция и борьба за признание публикой. В последние два десятилетия XVIII века в России начала формироваться критика как особая разновидность литературной деятельности. О состоянии современной литературы русские читатели могли судить по публикациям в "Московском журнале", альманахе "Аонида", а также в "Вестнике Европы" (Прозоров 2002: 40.) Критики в своих суждениях о литературе также дают оценку окружающей действительности и этим претендуют на общественный авторитет, потому что на их оценки ориентируются широкие слои читателей. Важным социальным механизмом выступают библиотеки. Различные типы библиотек (массовые, университетские, национальные и др.) занимаются сохранением, отбором и комплектованием книг и журналов. Идея их "публичности" является ценностью автономной литературы. (Гудков, Дубин 1994: 40.) К концу XIX века количество читателей заметно расширилось. Одной из причин явилось увеличение населения и рост уровня жизни "среднего класса". С внедрением новой техники появилось больше свободного времени, и оно использовалось для повышения уровня образования. (Берг 2000: 216.)

Начиная с 1905 года, повышается статус писателя в России, и по количеству названий выпущенных книг страна занимает одно из первых мест в мире (Берг 2000: 199.) Писатель становится профессионалом и формируется литератор нового типа. Литературный труд становится источником дохода. (там же: 208.) Складывается развитый книжный рынок,

обеспечивающий автору финансовую независимость. Начинает создаваться система признания и вознаграждения "профессионального" авторского труда в форме гонорара (Гудков 1994: 38). В связи с реформами в системе образования, литература становится одной из основ воспитания и вводится в качестве основного предмета в систему "классического" образования, а позднее в общеобразовательную школу, то есть статус литературы закрепляется. (там же: 14.) Таким образом, складывается устойчивая система литературных связей с различными структурами. В её рамках литература должна быть рассмотрена как часть социокультурного пространства. (Берг 2000: 5.)

2. Русская литературная критика

В этой главе мы расскажем о развитии русской литературной критики, начиная с XVIII в., когда критика получила свое начало. Как написал А. Бочаров (1997), литература неизбежно привязана ко многим внелитературным ориентирам, особенно к реальному состоянию общества. Русская литература прошла свой путь развития, на который повлияли исторические события. Литература живет в целостной системе. (Бочаров 1997: 18.)

Особое внимание мы уделяем советскому времени, которое внесло как в литературу, так и в культуру страны совершенно новые принципы. Советские времена значительно повлияли на литературную институцию. Новым правительством страны были установлены совершенно новые порядки, которые вытеснили прежние литературные организации и создали новые.

2.1. XVIII век

Русская литературная критика начала формироваться в эпоху Петра I. Проведенные императором реформы сильно повлияли на развитие общества. Критика, как и литература, развивалась в XVIII в. под влиянием западноевропейского просветительского движения. (Прозоров 2002: 20.) Как писали Л. Гудков и Б. Дубин, до XVIII в. понятие литературы не содержало явного признака художественного или эстетического характера. В представлениях о литературе доминирующими были общие элементы литературы и других наук, таких как, например, философия, риторика или история. Открылись высшие учебные заведения, появились сообщества писателей. (Гудков, Дубин 1994: 17–18.)

В XVIII в. критика была чаще всего привилегией самих писателей. Они могли написать ее в виде предисловия к своей книге, как например, написанное М. В. Ломоносовым «Краткое руководство к красноречию». (Прозоров 2002: 21.) Ломоносов был значительной фигурой в истории русской литературной критики. Вместе с В.К. Тредиаковским он провел реформу русского стихосложения, раскритиковав прежние нормы. В одной из своих критических статей ученый изложил теорию трех «штилей», согласно которой язык делится на определенные жанры: высокий, средний и низкий. Высокий стиль характерен, например, для героической поэмы. К среднему стилю относятся сатиры, театральные сочинения или элегии. Низкий стиль предназначен для песен, эпиграмм или комедий. там же: 23.)

В конце XVIII в. критика постепенно стала частью литературного процесса. На это повлияло во многом оживление журнальной деятельности. Литературная критика тесно соединилась с журналистикой и поэтому критические статьи стали занимать важное место в периодических изданиях. Благодаря таким переменам, у критических статей появился широкий круг читателей. (Прозоров 2002: 28.) Переход критики на страницы журналов повлиял на язык литературной критики. Привычные писателям назидательные и даже несколько схоластичные рассуждения не подходили к жанру периодических изданий и поэтому были вытеснены более подходящим стилем рецензий. Над развитием этого стиля много работал выдающийся писатель и литературный деятель Н. М. Карамзин. Под его пером критика стала более легкой и эстетичной. (там же: 29.)

Помимо этого, Карамзин настаивал на уточнении понятий в критике во избежание превращения критики в бессмысленный спор. Поэтому литератор боролся за ясность мысли, а также ввел в русскую критику, например, такие слова, как «вкус», «талант», «образ». (Кулешов 1978: 46.) Как критика, Карамзина интересовали философские, эстетические и исторические проблемы. В издаваемом им же научном издании «Московский журнал» литератор публиковал свои небольшие рецензии на романы разных писателей. Критические статьи Карамзина всегда отличались доброжелательностью, спокойствием и вежливостью. По его словам, учтивость и вежливость являются частью общественной жизни. (там же: 46-47.)

Русская литературная критика XVIII в. испытала сильное западное влияние. Привнесенные из Европы Петром I новые жизненные модели, проникновение западных философских, общественных знаний, влияние, в первую очередь, французской литературы – все это отразилось на развитии критики той эпохи. Критика также приобрела новую форму, став частью периодических изданий. Журналистика придала критике животрепещущий и злободневный характер.

2.2. XIX век

В начале XIX в. литературная полемика в России оживилась. Активизировалась общественная и литературная жизнь в России. Это было время формирования новых направлений в литературе, главными из которых стали романтизм и реализм, а также переоценки художественных ценностей. В начале XIX в. развивается романтизм, отличительной чертой которого было противоречие между окружающей действительностью и идеалом. Основателями раннего, «индивидуалистического» русского романтизма являются

В.А. Жуковский и К.Н. Батюшков. «Он был формой оппозиции по отношению к действительности, выражением духа времени.» (Кулешов 1978: 90.) В кругу передовых русских людей росло недовольство существующей самодержавно-крепостнической системой. Появились новые литературные общества и вышли новые журналы. (Прозоров 2002: 41.) Как пишет Яусс, в истории литературы XIX в. присутствует идея национальной индивидуальности (Jauss 1970: 152.) Тема народности в литературе и необходимость отражать особенности национального русского характера становятся важными для общественных обсуждений (Прозоров 2002: 50). Будущие декабристы открыто связывали проблему народности с идеями патриотизма и гражданского служения, которому себя посвятили. Свой патриотический долг они видели в борьбе с самовластием. (Кулешов 1978: 97.) Новое направление литературы обрело публицистический характер. (Прозоров 2002: 41.) Гудков и Дубин отмечают, что в первой половине XIX в. роман был наиболее активным литературным жанром, развивавшим социальные и культурные изменения тех времен. Этот жанр вбирал в себя различные литературные традиции и тематические материалы. (Гудков, Дубин 1994: 48.)

Одним из самых влиятельных литераторов XIX века был В.Г. Белинский. Его называют Пушкиным русской критики. Если Пушкин поднял на высокий уровень русское литературное развитие, то Белинский внес в критику не только этические и эстетико-литературные проблемы, но и также и политические, историко-философские и социальные. (Егоров 1982: 7.)

Прозоров выделяет три этапа литературно-критической деятельности Белинского. Первый этап (1834–1836) он называет «телескопским», т.к. в то время Белинский был главным критиком таких изданий, как московский журнал «Телескоп» (1831–1836) и петербургская газета «Молва» (1879–1881). Оба издания были посвящены литературе, критике, словесности. В одном из своих первых «телескопских» выступлений «Литературные мечтания» (1834) Белинский писал о новых представлениях в литературе, которые содержат определение самой литературы как выражения «духа народа» и его внутренней жизни. Белинский считал, что на тот момент в России не было словесности, которая развивалась бы органически, основываясь на устном народном творчестве. «У нас нет литературы» — смело заявлял Белинский. (Прозоров 2002: 93.) Во время первого этапа им была написана статья «Литературные мечтания» (1834), которая заложила основы русской классической критики. (Кулешов 1978: 142.) Второй этап деятельности Белинского (1837–1840) Прозоров называется этапом «примирения с действительностью». Это было время драматичных и

напряженных философско-эстетических раздумий критика. Третий этап (1841–1847) начинается с критической работы Белинского под названием «О стихотворениях Лермонтова» и заканчивается его работой «Взгляд на русскую литературу 1847 года». В эти годы критические работы Белинского нацелены на философско-эстетическое обоснование русской литературы, а также ее истории с позиций реализма. (Прозоров 2002: 93.)

«Взгляды Белинского на современную реалистическую литературу начинали входить в сознание публики и это означало, что реалистическое направление прочно утвердилось в русской литературе.»

У него появились единомышленники и последователи. (Кулешов 1978: 180.) Как считал Н.Г. Чернышевский, величайшим достоинством критики Белинского является её теоретичность, обращённость к действительности. её общественно-социальный пафос. (там же: 246.)

В XIX в. русская критика оформилась в совершенно самостоятельную особую часть литературной области, в развитии которой важную роль имело наследие русской общественной мысли. В силу бурных исторических событий оживилась литературная жизнь. Началось развитие образования, появились университеты. Национальное самосознание пробудилось и выразилось в разных критических жанрах. Литература формировалась под влиянием демократических изменений в России и была связана с борьбой за преобразование действительности. В этих условиях образовалась литература критического реализма. Многие писатели стали критиками, основали свои литературные общества и стали глубоко заниматься литературой, критикой и словесностью.

2.3. Литературный мир глазами советского читателя

В этой главе мы рассмотрим развитие литературной институции в советскую эпоху. Этот период известен коренными изменениями в мире литературы. Как пишет Добренко, читатели дореволюционной эпохи не были готовы к восприятию советской литературы. С приходом советской власти ситуация изменилась, поскольку особенностью советской ситуации является концентрация политической власти во всех сферах социальной и культурной жизни. Критика становится одним из политических инструментов. Прежняя литература не могла быть применена вместе с новыми советскими историко-литературными взглядами. В сознании людей формировался совершенно новый горизонт. (Добренко 2011а: 31.) Функции литературной критики СССР были другими – они базировались на новых политико-

эстетических основаниях. (там же: 7.) Согласно Добренко, в советское время сложилась новая культурная инфраструктура. Вместе с новой идеологией пришли новые писатели и читатели, создав новую литературную культуру. (там же: 12.)

В начале 1920-х гг. в литературном мире шла активная дискуссия о политических событиях, происходивших в стране. Существовали литературные группировки, организованные критиками-идеологами. Критику видели инструментом, с помощью которого пытались осуществить новые организационные задачи. (Добренко 2011а: 11.) Прежняя культурная элита исчезла, и критике пришлось формироваться с нуля. В сложившейся ситуации литераторы разделились на две группы. Первая группа считала, что нужен критик-учитель, который научил бы тому, как нужно писать правильно. Вторая группа была такого мнения, что критика должна ориентироваться на писателя и быть посредником между ним и читателями. (там же 2011: 12.) Александр Воронский писал, что читатель того времени нуждается в критике как в посреднике, который растолковывает читателю литературные произведения, а также внушает определенное отношение к ним. Читатель активен, практичен, но лишен созерцательности. (там же: 13.)

В 1930-е годы главным литературно-критическим журналом был «Литературный критик». На его страницах велась дискуссия о «критике рапповского «диалектико-материалистического метода», который стремился подчинить художественное творчество идеологическому влиянию. Такой метод необходимо было заменить новым «художественным методом» – социалистическим реализмом. Журнал «Литературный критик» подвергался осуждению со стороны бывших рапповцев и окончательно был закрыт в 1940 году. (Добренко 2011а: 31). Это привело к фрагментации критики и усиленному контролю над ней. (Гюнтер 2011: 279). Партийная критика распространилась почти на все сферы искусства, и в 1940-х гг. партийные конституции стали главным источником критики. Читателям давали четкие и однозначные суждения о литературных произведениях. (Добренко 2011а: 22.) Таким образом, горизонт ожидания советского читателя строился в первую очередь, исходя из новой идеологии, развивавшейся в государстве. Литературу и критику использовали для создания в сознании читателей новых стереотипов и новой идеологии. Как сказал ученый Джеффри Брукс, у печати была функция создания мощной, ритуализированной публичной культуры, вытесняющей другие формы публичного отражения. (там же: 7.)

В период войны 1941–1945 гг. многие литературные издания были закрыты, и литературная критика пережила структурные изменения. Начиная с 1943 года, после победы под Сталинградом, резко меняется идеологическая направленность критических статей.

«Критика должна была помочь литературе осуществить переход от изображения страданий и ужасов войны к её эпизации и героизации» (Добренко 2011b: 378).

Значительные изменения в политическом курсе страны произошли в 1950-е годы, после смерти И.В. Сталина. Целью идеологической кампании был отход от «бесконфликтности» и «лакировки», когда писатели отражали в своих произведениях только те проблемы, которые не противоречили политическим установкам общества. «Критика активно участвовала в этих кампаниях не только в качестве исполнителя партийного заказа, но и в прямой своей функции выразителя определённых эстетических позиций». (Добренко, Калинин 2011: 419). Начался период реабилитации ранее репрессированных писателей, например, А. Платонова, М. Булгакова, М. Цветаевой. Партийный аппарат полностью контролировал и руководил литературной критикой.

В 1960-е годы стали публиковать запрещённые ранее произведения, например, А. Солженицына, поэтические сборники Е. Евтушенко, Б. Ахмадуллиной и многих других. Горизонт ожидания читателей стал формироваться совершенно по-другому. Увидевшие свет публикации запрещённых писателей и поэтов позволили читателям сравнить новую информацию с прочитанной ранее и сравнить её с новым информационным источником. Б. Сарнов писал, что многое из того, о чём в конце 50-х годов нельзя было даже и мечтать, стало возможным в начале 60-х гг. (Добренко, Калинин 2011: 421). Идеологические изменения в обществе вызвали литературно-критические споры и литературные полемики. Они носили характер критической кампании «атаки и организованной партийным, и литературным руководством контратаки» (там же: 425). Самым известным журналом новой эпохи являлся «Новый мир». Этот журнал опирался на традиции революционно-демократической критики Н. Добролюбова, Д. Писарева и других. Свойственные «Новому миру» демократизм, народность, понимаемые как защита интересов «простого народа», активно пропагандировались на его страницах. Таким образом, журнал «Новый мир» был в авангарде советского либерализма. В противовес либеральной позиции в литературную борьбу активно включился журнал «Октябрь». Критика «Октября» была направлена на защиту социалистических завоеваний и опиралась на традиции «марксистской критики» (там же: 449).

Публикации запрещённых книг продолжались и меняли сложившееся представление о советской литературной жизни. Изменения и расширения эстетического контекста советской литературы продолжались в 60-х гг. Проводились кампании вокруг новых произведений, формировался новый механизм управления литературой. (Добренко, Калинин 2011: 423.) В середине 60-х гг. ключевыми понятиями стали, например, творческая индивидуальность писателя и многообразие художественных форм. Активно обсуждалась возможность существования сразу нескольких стилевых течений в соцреализме. Иными словами, прежняя картина, крепко укрепившаяся в сознании читателей, стала менять свою форму. (там же: 429).

Период семидесятых годов длился в литературном мире дольше, чем в календаре. Он начался уже в конце 1960-х, а к завершению пришёл в конце 1980-х. Этот период был временем распада советского культурного монолита. Перед читателями открывались новые горизонты, стирая потихоньку старое. В 1970-е годы шло активное обсуждение вопроса о функциях и задачах литературной критики. Результатом этих полемик стало в 1972 году Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Выход в свет этого специального постановления, а также его подготовка, обсуждение «служили постоянным стимулом для рассуждений о литературной критике «как социальном институте» (Липовецкий, Берг: 478.) Следом за постановлением вышли также издания, предназначенные для будущих литературных критиков. (там же: 477–479.)

Советская эпоха создала абсолютно новую инфраструктуру, целью которой было воспитание в советских читателях тех художественных вкусов, которые соответствовали строю советской жизни. Политическое руководство страны внесло свои изменения в литературный мир, возложив на себя и на Управление пропаганды организацию критики, создав таким образом независимую от писателя критику. Критика стала теперь управляема лицами «сверху». На протяжении десятилетий горизонт ожидания читателей формировался под большим влиянием политических установок. (Добренко 2011а: 25.) Как сказал В. Кожин, основной функцией критики является формирование развивающейся целостности и единого движения из отдельных художественных миров литературы. (там же: 29.)

2.4. Литературная критика в 2000-е гг.

В конце 1990-х гг. в литературной сфере произошли значительные перемены. Конди и Купсан отмечают три главных момента, которые повлияли на изменения. Первое – это вытеснение толстых журналов. Литературно-художественные издания утратили свое былое значение. На сегодняшний день их роль в культурной жизни уже не такая большая. Отход толстых журналов на задний план было большой утратой в журнальной и литературной культурах. Издательства получили возможность выпускать издания более интенсивно, чем в советское время, но книгоиздательская индустрия не была способна выпускать публикации с такой скоростью. В итоге производство и распространение книг претерпело большие изменения. (Конди, Купсан 2011: 724.)

На этот процесс повлияло и появление Интернета. В наши дни активного технического прогресса можно быстро напечатать текст и опубликовать его в Интернете, где другие пользователи смогут незамедлительно ознакомиться с творчеством автора и также быстро написать свою критику или рецензию в ответ. С помощью Интернета появилось много литературных форумов для оценки разных произведений, ведущиеся как профессионалами, так и любителями словесности, дилетантами. С появлением таких форумов и блогов процесс работы критиков значительно изменился и трансформировался, т.к. на подобных форумах есть возможность, например, разделить диалоги по разным темам и мгновенно получать сообщения от других пользователей. (Soikkeli 2007: 147–148.)

Современная литература меняет те представления, которые закрепились в сознании читателей в советское время. Как пишет Ю.А. Говорухина, в конце XX века в России произошла утрата литературоцентризма. Иными словами, поменялась роль писателя. Раньше писатель был также и художником, и политиком, и экономистом. Сейчас его роль значительно сузилась. Это повлияло и на литературную критику, поскольку она стала переживать острый кризис. Количество читателей значительно убавилось, утратился авторитет, а вместе с ним и снизилась «достоверность слова». В сложившейся ситуации проблема выживания критики является очень болезненной. В новых культурных обстоятельствах литературная критика переживает потерю былого статуса и аудитории, пытаясь снова восстановиться и самоидентифицироваться. (Говорухина 2010: 12.)

3. О романе «Обломов»

В этой главе мы расскажем о произведении И.А. Гончарова «Обломов», а также о самом герое романа. В этой книге образ главного героя «осмыслен в свете литературной традиции как завершающее звено галереи «лишних людей» и в перспективе жизни, дальнейшей борьбы с крепостнической и либерально-буржуазной обломовщиной». (Кулешов 1978: 270.)

И. А. Гончаров писал свое произведение в течение десяти лет, примерно с 1848 по 1858 годы. В это время Россия переживала кризис крепостнической системы. Крепостное право тормозило общественное развитие, в России назревали новые, более прогрессивные буржуазные отношения. Наступало новое время во всем: в управлении страной, в обществе, в литературе. Необходимость изменений постепенно овладевала сознанием всех людей. Этот процесс изменения социальной психологии и описал в своем романе Гончаров. В сюжете книги заложены две темы: тема крестьян и тема помещиков. Сам автор видел свой роман как картину жизни русского дворянина-помещика, начиная с его детства и заканчивая последними днями его жизни (Недзвецкий 1992: 41).

3.1. Детство Ильи Обломова

Главный герой – это Илья Ильич Обломов. Как описал его сам автор:

«[...] человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица» (Гончаров 2009: 5).

Детство и воспитание Ильи Обломова описывается подробно в главе: «Сон Обломова». Это очень важная часть произведения, т.к. в ней рассказывается о том жизненном периоде героя, во время которого в него были заложены определенные понятия о жизни. Таким детальным описанием Гончаров хотел показать и основы барской жизни вообще. Обломов – это синтез представлений о жизни, разделяемых тысячами помещиков в России того времени.

Детство маленького Ильи прошло в поместье Обломовка, которое существовало словно само по себе, в своем отдельном мире. Маленький Обломов вырос в обеспеченной семье помещиков. Как и полагалось в те времена, у господ Обломовых были в подчинении крестьяне, прислуживающие при том же имении, где жили их бары. Гончаров описывает их жизнь как очень закрытую и отстраненную от общества. Автор пишет:

«Интересы их были сосредоточены на них самих, не перекрещивались и не соприкасались ни с чьими» (Гончаров 2009: 103).

Закрытую жизнь вели как сами бары, так и их крестьяне. Представления жителей Обломовки о другом мире были весьма расплывчаты. Безусловно они знали, что примерно в 80 км от них находился губернский город, а где-то ещё дальше Саратов или Нижний. Слышали они и о том, что есть такие крупные города как Москва и Петербург, а где-то за этими городами живут немцы или французы. На этом их знания заканчивались и весь остальной мир они представляли себе таинственным, тёмным местом, где в вечном мраке живут чудовища и великаны, а люди там ходят двухголовые. Безусловно, подобный взгляд на мир объясняется тем, что народ живёт в своём, закрытом от всех, мире. Этот мир изолирован и сильно ограничен, и поэтому знания людей тоже ограничены. В их представлении есть только то, что они видели, а всё остальное основывается на фантазии и домыслах. Хозяева Обломовки жили неторопливой, ленивой и безмятежной жизнью. У них не было надобности смотреть в календарь – их дни проходили по своему графику. Бары не утруждали себя никакими работами – они даже не имели желания самостоятельно одеваться и не понимали, зачем это нужно, ведь в доме есть прислуга. Как написал сам Гончаров,

«правильно и невозмутимо совершался в Обломовке годовой круг» (Гончаров 2009: 99).

Единственным занятием, волнующим Обломовых, было приготовление еды, но и здесь они сами не спешили браться за ножи и кастрюли – всем этим занималась прислуга. Хозяева любили только пристально наблюдать за этим процессом. Отец и мать Ильи проводили все утро на кухне, строго следя за тем, как готовится их обед.

Несмотря на своеобразный образ жизни, Обломовы не чувствовали себя одинокими и не были отшельниками. В их доме очень часто собирались гости, такие же дворяне, которых хозяева дома были всегда рады видеть. Прием гостей и общение с ними никак не отражались на принципах Обломовых – они ничего не хотели менять в своей жизни и по-прежнему так же безмятежно жили, провожая старых гостей и принимая новых.

Эта особенность быть одновременно и внутри, и за пределами социальной жизни передалась и Илье Обломову. Будучи уже зрелым мужчиной, он так же, как и раньше с радостью принимал дома друзей, но сам не видел нужды куда-либо выходить. Даже переезд из Обломовки в большой город Петербург не изменил привычек Обломова. Главной целью его жизни была, по-прежнему, безмятежная жизнь дома, где все заботы брал на себя слуга Захар.

Жизнь поменялась, социальная обстановка изменилась, только принципы Обломовки, заложенные в Обломове, не умерли – они продолжали существовать.

3.2. История любви Ильи Ильича Обломова как временное пробуждение

Достигнув определенного возраста, Обломов покинул стены родного дома и переехал жить в Петербург. Он закончил обучение и стал работать канцелярским чиновником. Вскоре ему надоели трудовые будни, и, не видя больше смысла в ежедневном труде, он подал в отставку. После этого жизнь Ильи Ильича обрела прежнее спокойствие – не нужно было куда-либо спешить или что-либо делать. За дом и хозяйство, как и прежде, отвечала прислуга.

Обломов был гостеприимным хозяином и к нему часто приходили гости. Это были в основном его друзья или хорошие знакомые, которые рассказывали ему последние новости светской жизни и не переставали звать его на разные светские встречи. Несмотря на большое количество приглашений, Обломов не торопился покидать даже на вечер свой отдельный мир, в котором пребывал. Как и раньше, социальная жизнь только частично присутствовала в мире Обломова. Его дом снова стал отдельной планетой, где чередом шла тихая, приятная для Обломова жизнь.

Так продолжалось до тех пор, пока Обломов не встретил Ольгу, юную и скромную девушку с хорошими манерами. Гончаров описал ее следующими словами:

«в ней не было ни жеманства, ни кокетства, никакой лжи, никакой мишуры [...]» (Гончаров 2009: 188).

Встреча Ильи Ильича и Ольги произошла с помощью лучшего друга Обломова – Штольца, который приехал из Германии, чтобы взбодрить своего друга и помочь ему с вынужденным переездом – съемную квартиру пришлось срочно освобождать. Это знакомство полностью изменило жизнь Обломова. Как писал Гончаров, лицо Ильи Ильича

«сияло зарей пробужденного, восставшего со дна души счастья» (там же: 201).

Обломов стал совершенно другим, словно произошло чудо. Вопреки своему прежнему графику, он стал пробуждаться ото сна не в полдень, а в семь часов утра. У него появилось желание читать, узнавать что-то новое. С лица Ильи Ильича полностью исчезли сонливость и скука, он был все время чем-то занят и часто уходил из дома с книгами под мышкой.

Одеваться Обломов стал тоже по-другому – вместо старого, засаленного халата, в котором он раньше привык проводить свои дни, появились новые костюмы, фраки и рубашки, сияющие чистотой и свежестью.

Поменялась и обстановка вокруг главного героя. Привычную, так похожую на отчий дом, съемную квартиру пришлось освободить по просьбе ее хозяина. Обломов планировал посетить Париж, а затем переехать временно на летнюю дачу, находившуюся рядом с дачей Ольги. Знакомые Обломова с удивлением и даже некоторым испугом говорили о переменах, случившихся с Обломовым.

«Едет; представьте, Обломов сдвинулся с места!» – говорили они (Гончаров 2009: 186).

Наполненные новыми событиями дни пролетали один за другим. Чувства к Ольге и летние встречи с ней настолько вдохновили Обломова, что он принял решение окончательно изменить свою жизнь и жениться. Его образ жизни уже и так во многом поменялся – обеды в домах, прогулки в компании интересных ему людей, чтение книг. Все это вдохновляло и приносило большую радость Илье Ильичу. Прогуливаясь с Ольгой по деревне и даря ей букеты сирени, Обломов мечтал о свадьбе, о том, как пойдет с ней под венец, и о том, как они будут счастливо жить в их новом доме. Огромное чувство любви переполняло сердце Обломова, заставляя измениться и начать жизнь с чистого листа.

3.3. Повороты судьбы Ильи Ильича и возврат к исходному

Прошло лето и пришло время покинуть летнюю резиденцию. Илья Ильич был занят хлопотами с новой квартирой, которую нашел для него приятель Тарантьев. В планы Обломова уже не входил переезд в эти апартаменты, т.к. он искал новый дом для себя и своей будущей жены Ольги. Эти перемены в жизни, когда-то казавшиеся ему скучными и бесполезными, теперь вдохновляли и окрыляли его. При одной только мысли о невесте, Обломов улыбался и забывал про все неприятности с новым жильем и с Тарантьевым, который поступил с ним нечестно и теперь требовал большую сумму денег. Как писал Гончаров:

«[...] он вспомнил нынешнее утро (с Ольгой), и безобразное явление Тарантьева вылетело из головы; на лице опять появилась улыбка» (Гончаров 2009: 292).

Пошли дожди, и пора было съезжать с летней дачи. Вопреки своим планам, Обломов не смог найти новое жилье для себя и Ольги, т.к. задолжал крупную сумму денег, не имел

возможности выплатить все сразу и поэтому переехал все-таки один в ту самую квартиру, которую нашел для него Тарантьев. Свадьбу пришлось отложить на какое-то время, но, несмотря на разлуку, Обломов и Ольга по-прежнему любили друг друга и виделись по два раза в неделю. Из-за временных денежных и жилищных проблем Обломов не мог официально попросить руки Ольги, поэтому они решили держать помолвку в тайне, что очень мучило Обломова, т.к., не являясь ее мужем, он испытывал неловкость и неудобство, появляясь вместе с Ольгой в обществе. Случайные встречи со знакомыми были для Обломова настоящей мукой:

«[...] он был весь в поту от страха и неловкого положения» (Гончаров 2009: 303).

Посещая театры, кафе и другие общественные места, Обломов все время нервничал. Многие из его окружения с любопытством смотрели на них, перешептываясь. Это психически давило на Илью Ильича, и он начал избегать встреч с Ольгой, чтобы не давать повода для неприятных разговоров за спиной.

Давили его и финансовые проблемы – прибыль, которую он получал с родового имения, значительно уменьшилась в виду ухудшения дел в поместье. Обломов стал все чаще задумываться над тем, что скучает по своей прежней, беззаботной жизни. Его угнетала сложившаяся ситуация с поместьем и то, что он сам ничего не может решить.

«Я не знаю, что такое сельский труд [...] не знаю, что значит четверть ржи или овса, что она стоит, в каком месяце и что сеют и жнут, как и когда продают, [...] я ничего не знаю!» – говорил Обломов (Гончаров 2009: 360).

Отсутствие денег вынуждало отложить свадьбу на неопределенный срок, минимум на год. Обломова терзали разные мысли, он обдумывал в голове разные идеи, но, ни одно решение его не удовлетворяло. Отношения с Ольгой начали тяготить его.

«Господи! Зачем она любит меня? Зачем я люблю ее? [...] что это за жизнь, все волнения да тревоги! Когда же будет мирное счастье, покой?» - думал Обломов (Гончаров 2009: 338).

Ольга тоже стала охладевать к жениху.

«Я любила в тебе то, что я хотела, чтоб было в тебе, [...] я любила будущего Обломова [...] ты прячешь голову под крыло – и ничего не хочешь больше [...] мне мало этого, мне нужно что-то еще» (там же: 371).

Эти слова Ольги стали последними. Они с Обломовым расстались и больше никогда не виделись.

Жизнь Обломова вернулась в прежнее русло. Он остался на новой съемной квартире, спал до обеда, много ел и почти не двигался. Помимо Захара, за ним ухаживала еще и хозяйка квартиры Агафья, в которой Обломов находил сходство со своей матерью, и это навевало ему снова мысли о тихой, безмятежной жизни. Он больше не ходил на прогулки, светские встречи, не посещал театры. Свои костюмы он вновь поменял на тот самый домашний халат.

В квартире Обломова все снова казалось скучным и мрачным. Приехавший к Обломову друг Штольц очень удивился прежнему виду комнаты, заметив старое одеяло и пыльные шторы. На все его вопросы Обломов ответил коротко:

«[...] я жить иначе не стану, не могу» (Гончаров 2009: 435).

Преступлением Обломова, как пишет Мэтьюсон, является его неспособность действовать эффективно и морально. Причиной этому был паралич воли, которым страдал главный герой. (Mathewson 1958: 51.) Несколько лет спустя Обломов скончался от апоплексического удара, который случился вследствие его неподвижного образа жизни. Его похоронили на ближайшем кладбище, и над его могилой склонила ветви пышная сирень.

Илья Ильич Обломов не смог справиться с жизненными проблемами, вставшими у него на пути. Тот образ жизни, к которому он привык, не требовал от него серьезных решений, больших знаний и умения справляться с хозяйством. Это пагубно повлияло на его жизнь, разрушило его планы и даже уничтожило самое сильное чувство, которое может быть у человека, – любовь. Это чувство способно подвигнуть людей на большие шаги в жизни, на сложные и иногда даже невозможные поступки, но оно не смогло противостоять укорененной в Обломове тяге к неподвижности и безмятежности. Обломов родился и умер баринном. Как сказал Штольц, причиной смерти Обломова стала обломовщина (Гончаров 2009: 494).

4. Критика XIX века

В этой главе мы рассмотрим критику на произведение «Обломов», написанную известными критиками XIX века. Критика этой эпохи очень важна в нашей аналитической части, т.к. это самая первая реакция на произведение. В качестве критиков мы выбрали Н.А. Добролюбова, А.В. Дружинина и Д.И. Писарева. Их работы считались самыми яркими, поскольку им удалось понять замысел Гончарова, рассмотреть и растолковать произведение, в котором таился скрытый смысл. Каждый критик подошел к анализу романа по-своему, исходя из особенностей своего характера и своих принципов. Эти статьи, кажущиеся на первый взгляд такими разными, являются словно дополнением друг друга. Суровая критика Добролюбова смягчается проникновенной критикой Дружинина, а критика Писарева обеспечивает баланс между этими двумя статьями.

Во время публикации этих работ, Россия переживала распад крепостнической системы. Служившие у помещиков крестьяне были недовольны своим положением и в связи с этим стали все чаще происходить крестьянские волнения, а также отказы в повиновении помещикам. Крестьяне бунтовали, например, против изнурительных рабочих дней на господском поле – они нередко работали по 6 дней, откладывая пахоту своих собственных полей на ночное время или праздники. Помимо этого, им полагалось приносить помещикам продукты, например, кур или гусей, баранов, грибы или ягоды. Эксплуатация крестьянского труда была сильной, давление со стороны господ нередко доводило до нападения на них крестьян с умышленным намерением убийства. Эти события привели к резкому раздвоению мнений в русском обществе. Крестьяне взбунтовались, протестуя против крепостного права и требуя его уничтожения, в то время, как большая часть помещиков видела в крепостном праве устой русской жизни и поэтому была против освобождения крестьян. (Пушкарев 1956: 68-70.)

4.1. «Что такое обломовщина?» – роман глазами Н.А. Добролюбова

Н.А. Добролюбов известен, как критик, поэт и публицист XIX века. В своих статьях он часто подвергал произведения жесткой критике. Трезвость мысли и прямые высказывания были отличительными чертами Добролюбова. Будучи выпускником историко-филологического факультета, Добролюбов был под влиянием революционно-демократических идей, которые отражались в его статьях. Критик дебютировал в российском журнале «Современник», опубликовав там две свои работы. Позже он стал главным редактором одного из отделов

журнала. Помимо публицистических статей и критических обзоров, Добролюбов писал повести, пародии и сатирические произведения. Также он увлекался сочинением лирических стихов, которые редко отдавал в печать. Во время публикации критической статьи на роман «Обломов», Добролюбов уже добился признания среди своих коллег-литераторов, а также читателей. (Biography [www](#).)

Статья Добролюбова была написана в 1859 году, сразу после выхода самого романа. В произведении Гончарова критику удалось увидеть скрытый смысл, а также он смог рассмотреть роман с разных сторон, вынося свои оценки того или иного явления. В своей статье Добролюбов пишет об искреннем удивлении тем, что произведение «Обломов», несмотря на безразличное восприятие читателей вначале, вызвало все же такие бурные эмоции. Как пишет критик, читатели нашли в содержании романа особенное богатство. Какое именно богатство, критик и пытается выяснить в своей работе. (Добролюбов 1961: 257.) Также Добролюбов считает, что первичная реакция читателей, вызвавшая у них уныние, связана с особым свойством Гончарова – спокойствием. Именно через это спокойствие автор достиг полноты поэтического мирозерцания, которое открылось читателям уже при вторичной реакции. (там же: 258.)

По мнению Добролюбова, существует много способов критики произведения. Например, корректурные или эстетично-аптекарьские, когда в произведении ищут ошибки или строго проверяют соответствие характера и свойств героя с его поступками и фразами. (Добролюбов 1961: 257.) Однако Добролюбов оставил эти методы, и предпочел обратить внимание на более общее значение романа. В первую очередь он увидел в этом произведении изображение распада крепостнической системы, которая было актуальным в то время. Представителя этого периода Добролюбов отчетливо увидел в образе Обломова. Он писал, что в истории о добряке-ленивце Обломове, который только лежит и спит отразилась помещичья жизнь периода крепостничества в России. Эта история представлена читателям современным, живой русский тип, а также произнесенное твердо и ясно слово общественного развития. Читатели видят в образе Обломова произведение русской жизни и знамение времени. (там же: 262.)

Почему же критик увидел в главном герое романа отражение русской жизни тех времен? Добролюбов аргументировал это следующим образом. Главные черты характера Обломова заключаются в его совершенной пассивности, происходящей от его апатии ко всему, что происходило вокруг. Причиной такого состояния являлось частично его внешнее положение

и частично образ его нравственного и умственного развития. Под внешним положением критик подразумевал социальный статус Обломова – он барин. Как написал Гончаров:

«[...] нужды не знал, хлеба себе не зарабатывал и вообще черным делом не занимался»
(Гончаров 2009: 91).

Подтверждением этих слов служит история воспитания Ильи Ильича. С самого детства его обслуживала прислуга – одеть, подать, отнести, принести – поэтому он нередко и против воли бездельничал. В его понимании всю работу в доме должна делать прислуга, а дело хозяев лишь распоряжаться и временами порицать за плохое выполнение работы. От этого у Обломова уже формируется понятие, что более почетно сидеть без дела, чем быть занятым какой-либо работой. В этом направлении Добролюбов видит дальнейшее развитие Обломова и задается вопросом, что еще можно ожидать от человека, выросшего в таких условиях. (Добролюбов 1961: 263–264.)

Такое положение событий, по мнению Добролюбова, влияет на нравственное и умственное развитие главного героя. Подобная пассивность вызывает увядание внутренних сил. Появляется нежелание приложить усилия к какому-нибудь делу. Помимо нежелания присутствует также искреннее непонимание того, зачем это делать, ведь в доме есть тот, кто это сделает. Здесь Добролюбов отметил, что постоянные выполнения капризов и требований Обломова развили в нем бесхарактерность. Он потерял меру возможности своих желаний, а также лишился умения совмещать средства с целями, что послужило причиной того, что он зашёл в тупик при первом же препятствии. Укоренившееся с детства мировоззрение постоянно тормозит умственное развитие Обломова, а также мешает ему взглянуть на ситуацию по-другому, оценить ее и принять логичное решение. Исходя из этого, Добролюбов сделал вывод, что непривыкший к труду Обломов не может не только сделать что-либо дельное, но и серьезно решить, что ему действительно надо сделать и когда. (Добролюбов 1961: 265.)

Возвращаясь к вопросу о русской жизни и об отражении в ней истории Обломова, мы хотели бы пояснить, что именно в представлении Добролюбова означает слово «обломовщина». Как писал сам критик, в обломовщине он видит весь образ как самого Обломова, так и его жизни. Критик считал, что благодаря этому слову роман Гончарова приобретает более общественное значение по сравнению с другими романами автора. Кроме этого, обломовщина является ключом к разгадке многих явлений русской жизни. В типе Обломова, а также во всей обломовщине читатели могут увидеть творение русской жизни. Черты

обломовского типа Добролюбов узнал во многих героях литературных произведений, например, в Евгении Онегине и в Григории Печорине. Критик объяснил это тем, что обломовский тип является русским народным коренным типом, который присутствовал всегда, но менялся с течением времени – получал новое значение и изменял свои формы. Гончаров сделал большой шаг, когда подметил фазы существования этого типа и, как писал Добролюбов, определил сущность смысла. (Добролюбов 1961: 262–263.)

Главного героя произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин» Добролюбов описал, как красивого молодого человека, который выезжает в большой свет и имеет там успех. Кроме светской жизни он интересуется также «высшими вопросами» и любит поговорить о высоких чувствах. Здесь мы задумываемся о том, что же общего у Онегина и Обломова? Критик обратил наше внимание на некоторые качества Онегина. Почувствовав скуку от бесконечных светских встреч, Онегин переехал в деревню, но и там заскучал. Поссорился с другом и по легкомыслию убил его на дуэли, после чего вернулся в свет и влюбился в женщину, которая была отвергнута им раньше. Как писал Добролюбов, хорошенько всмотревшись в Онегина, мы можем увидеть в нем Обломова. Ту же ситуацию критик видит с героем Лермонтова – Печориным. Григорий Печорин – человек сильной воли, который преодолевает все препятствия на своем пути. У него только одна проблема: он не знает, куда ему идти. В его душе холод и пустота. Все, что он хотел испытать, он уже испытал в своей жизни, и поэтому мучается от порывов души и от того, что не может понять, куда они его влекут. Вследствие своих душевных смятений он впадает в состояние, в котором не может и не хочет понимать, куда и зачем ему следует идти. В итоге жизнь Печорина проходит в пустых ссорах, в флиртах и бессмысленных дуэлях. В этом случае Добролюбов также утверждает, что, присмотревшись к герою Лермонтова, мы сможем также увидеть в нем Обломова. По словам критика, у этих персонажей есть одна общая проблема – отсутствие любимого дела в жизни. Без этого дела у них нет и той жизненной необходимости, потеря которой приравнивалась бы к лишению жизни. Вся деятельность Онегина и Печорина была бесцельной. Поэтому Добролюбов считал, что в этом они и являются Обломовами – их душа не лежит к тому, что они делают, как не лежала она и у Обломова, когда речь шла о работе или решении своих проблем. (Добролюбов 1961: 269–276.)

Добролюбов писал, что при глубоком анализе действий героев ранних произведений можно распознать в них тип Обломова. В произведениях, вышедших до романа Гончарова, этот тип был скрыт в героях и поэтому не был сразу замечен глазу читателя. Обломов же явился читателям таким, каков он есть – молчаливый, в халате, лежащий на диване, не приносящий

пользы и не желающий ничего знать. Вопрос о том, в чем цель и смысл жизни Обломова, поставлен четко и ясно: в безволии и бездействии. Именно это имел в виду критик, упоминая в своей работе знамение времени. По его мнению, Гончаров сумел в своем произведении очень глубоко раскрыть тему обломовского бездействия. (Добролюбов 1961: 262–263.)

Еще один момент, который Добролюбов рассматривал и описывал в своей критике – это взаимосвязь рабства и барства в герое романа. Мы уже знаем, что Обломов является баринком, но каким образом он может быть рабом? Добролюбов писал, что в жалкое состояние рабства Обломова повергла привычка получать желаемое только стараниями и трудом других людей. Эта привычка сильно укрепилась в Обломове и привела к тугому сплетению в нем рабства и барства. Критик отметил, что эти две особенности настолько переплелись в главном герое романа, что между ними уже сложно провести границу. Добролюбова удивил тот факт, как мог Обломов, человек с независимым положением, дойти до рабства. Казалось бы, не служащий, обеспеченный барин, не связанный с обществом, может спокойно радоваться своей свободе. (Добролюбов 1961: 266–267.) Сам Обломов гордится тем, что ему, как другим, не надо просить, унижаться и кланяться.

«Другой работает без устали, бегаёт, суетится [...] не поработает, так и не поест»

(Гончаров 2009: 91).

Тем не менее, подчеркнул Добролюбов, на протяжении всей жизни Обломов постоянно является рабом чужой воли, поскольку он сам никогда не проявляет активность, чтобы сделать что-нибудь или решить проблемы. В первую очередь он раб своего слуги Захара, как бы иронично это не звучало. Захар не только обслуживает барина, у него особый статус в доме, т.к. будучи прислугой, он позволяет себе перечить хозяину и отстаивать свою точку зрения. При этом Обломов не может заставить Захара изменить свое мнение и сделать иначе. (Добролюбов 1961: 267.) Помимо Захара, Илья Ильич был зависим во многом от своего друга Штольца, которому доверял и которому мог поручить такие важные дела, как, например, решение проблем с родовым имением. Обломов часто повторял, что нужно уточнить или спросить у Штольца, когда тот приедет. Как писал Гончаров:

«[...] верил ему одному [...] рос, учился, и жил с ним вместе [...] Андрей Иванович Штольц»

(Гончаров 2009: 41).

Добролюбов упомянул также и Тарантьева с Иваном Матвеевичем, в отношении к которым Обломов тоже был рабом, т.к. они обманом завладели его финансами и фактически делали с

ним, что хотели. Илья Ильич становится рабом, потому что сам не умеет и не хочет работать, а также не понимает своих настоящих отношений к окружающему. (Добролюбов 1961: 267.)

Добролюбов был уверен, что Обломов апатичен и бездейственен не от природы, а именно от конкретного воспитания и образа жизни. Критик считал, что мальчику Илье Обломову надо было вырасти в других условиях, и тогда он нашел бы дело своей жизни. (Добролюбов 1961: 265.)

Подводя итоги, мы можем сказать, что критика Добролюбова является очень широким и глубоким анализом произведения. К середине XIX века крестьянская крепостническая система тормозила развитие России и привела к экономическому и политическому кризису в стране. Помещики стремились повысить свои доходы за счёт дополнительной эксплуатации крестьян, а труд крестьян, в свою очередь, был неэффективным. Критик задаёт вопрос:

«Кто же наконец сдвинет их с места этим всемогущим словом: «вперёд!», о котором так мечтал Гоголь и которого так давно и томительно ожидает Русь?» (Добролюбов 1961: 285).

Автор объясняет причину экономического упадка хозяйства одним понятием – обломовщина.

Добролюбов в своей статье много внимания уделяет морально-нравственным поступкам Обломова:

«Это нравственное рабство Обломова составляет едва ли не самую любопытную сторону его личности и всей его истории [...]» (Добролюбов 1961: 266).

В моральной деятельности, а именно в выборе поступка между добром и злом, человек всегда свободен. Обломов сам выбирает пассивный образ жизни, хотя, по словам критика, от природы он такой же человек, как и другие. Виной всему – отрешённость от реальной жизни, ограниченность целей, одним словом – обломовщина.

«Обломов не есть существо [...] совершенно лишённое способности произвольного движения. Его лень и апатия есть создание воспитания и окружающих обстоятельств».
(Добролюбов 1961: 268–269).

4.2. «Обломов» в критике А.В. Дружинина

А.В. Дружинин был русским литературным критиком, публицистом и писателем XIX века. Он высоко ценил искусство и был представителем «эстетической» критики. Эта критика носила аполитичный характер, и её сторонники выступали за «чистую художественность», за «вечное» искусство. В своих работах он «поддаётся субъективному произволу в суждениях» (Кулешов 1978: 220), пересматривает наследие В.Г. Белинского, вступает в полемику с Н.Г. Чернышевским. Целью его критики было стремление воздействовать на понятия общества с помощью теории «чистого искусства». (Хронос, www.)

Статья А.В. Дружинина была написана в 1859 году, но вышла не сразу после выхода романа, а спустя несколько месяцев, вслед за критикой Добролюбова. К произведению «Обломов» Дружинин подошел по-новому, оставив в стороне такие традиционные приемы, как, например, подробный пересказ сюжета или постраничное исследование образов. Вместо этого он подошел к критике романа художественно и эстетично. Уже в начале статьи мы видим лирическое отступление, которое словно подготавливает читателя к тому, в каком направлении будет развиваться критика в этой статье. Читая работу Дружинина, мы во всем видим особый способ критики, схожий с приемами изобразительного искусства. В своей статье он сравнивает Гончарова с фламандскими мастерами и видит между ними много общего.

«Подобно фламандцам, Гончаров [...] поэтичен в малейших подробностях создания»

(Дружинин 1991: 112).

Также Дружинин сравнил автора с голландским живописцем Ван дер-Нээрмом и писал, что Гончаров, как и живописец, художественно одарен и поэтому ему не нужно ходить далеко за предметами творчества. По словам Дружинина, Гончаров – это человек с глубоким поэтическим даром. Огромной силой своего труда он внёс большой вклад в нашу литературу, как фламандцы в искусство.

«В писателе, подарившем нашей словесности [...] «Обломова», мы [...] видим [...] одного из сильнейших современных русских художников [...]». (Дружинин 1991: 111–112.)

Дружинин писал и о самом Обломове:

«[...] невозможно не узнать Обломова и не полюбить его [...]» (Дружинин 1991: 112).

Критик отзывался о главном герое не так строго, как это делал Добролюбов. По мнению Дружинина, на Обломова не стоит смотреть как на объект, достойный насмешек. Не стоит также презирать его и звать улиткой и чересчур критиковать. Обломов не сделал никому ничего плохого, а критиковать его за то, что он такой, какой есть – это, как считал критик, все равно, что обвинить нидерландского пейзажиста Я. Рёйсдаля в том, что на его картинах недостаточно снега. Герой романа Гончарова любезен всем нам и поэтому стоит нашей большой любви. (там же: 112–113.)

Дружинин предполагал, что в связи с этим у читателей может возникнуть вопрос, почему Гончаров не показал доброты Обломова. Ведь, исходя из критики Дружинина, мы видим Обломова чистым, добрым и светлым персонажем, но, тем не менее, напрямую в романе не говорится об этих качествах героя. Для того, чтобы увидеть их, критик предлагает читателям внимательно ознакомиться с главой «Сон Обломова», которая, по мнению критика, является большим шагом к пониманию личности Обломова, а также обломовщины. Здесь Дружинин очень поэтично описал состояние души автора романа при создании этой главы. Он писал, что автор жаждал разгадок тех вопросов, которые возникли у него в ходе создания им Обломова. В поисках разгадок он обратился к источнику, у которого каждый одаренный писатель всегда находил ответ. Этим источником была «поэзия русской жизни». Гончаров обратился к ней, а также к своим воспоминаниям о детстве. Предаваясь этим воспоминаниям, автор словно погрузился в окружающий Обломова мир. Гончаров стал детально анализировать личность Обломова, пытался понять его помыслы, действия, а также свою симпатию к этому герою.

В главе «Сон Обломова» Гончаров ярко осветил и разумно пояснил личность Обломова. Дружинин подчеркнул важность этой главы, т.к. в ней им были найдены ответы на многие вопросы, и благодаря именно этой части романа, читателям удалось разглядеть личность главного героя с положительной стороны. Критик даже назвал главу «Сон Обломова» отдельным художественным созданием, т.к. она несет в себе очень глубокий смысл. (Дружинин 1991: 114–115.) Критик также заметил, что эта глава изменила даже отношение самого автора к Обломову. Исходя из первой части, Дружинин сделал вывод, что автор немного недолголюбил Обломова, когда писал первую часть книги, потому что в ней он видел героя еще незрелым, недоработанным персонажем. Критик предположил, что на это сильно повлияли принципы общества середины XIX в., когда у литераторов не было поэтической независимости. Гончаров, хоть и был самостоятельным писателем, являлся все-таки сыном своего времени и поэтому придерживался взглядов тех времен. Несмотря на то,

что Обломов был с самого начала и в мыслях, и в душе Гончарова, автор видел его больше в негативном свете. Именно таким нам показывает героя писатель, описывая его в первых частях книги. (там же: 114.)

Дружинин в своей статье писал, что описанная Гончаровым обломовщина разносторонне отражает действительность российского общества XIX века. По мнению критика, Гончаров показал в своем произведении реальную жизнь крепостнической России. Целью автора было надолго сохранить в памяти читателей уловленные им моменты действительности, и освещать их ярким светом.

Критик сравнил повседневную обломовщину с консерватизмом в политике – в слишком широком развитии это явление становится нестерпимым, но при умеренном и свободном проявлении не возникает причин к враждебной позиции в отношении к нему. Критик назвал обломовщину гадкой в тех случаях, когда она основывается на злом упорстве, гнилости или безнадежности. Однако критик отметил, что если причиной обломовщины является, например, «незрелость общества» (означает, что в государстве не созданы условия для реализации прав и свобод граждан, то есть не построено правовое демократическое общество), то раздражаться и выражать гнев по отношению к ней нет никаких причин. Заслуга Гончарова, по словам Дружинина в том, что он слил воедино истоки обломовщины с истоками народной жизни. (Дружинин 1991: 122.)

Прежде чем приступить непосредственно к анализу произведения, Дружинин сначала приоткрыл читателю завесу над положением литературы в России и за рубежом. Как мы писали во второй главе, в XIX веке в России стали появляться новые литературные общества и выходить новые журналы. То же подметил и Дружинин в начале своей статьи. Он писал о том, что произведения русской литературы стали активно публиковаться в журналах. При этом, как заметил критик, литература не утратила своей ценности. (Дружинин 1991: 106) Дружинин очень любил русскую литературу и писал о том, что такие писатели, как Пушкин и Гоголь всегда будут цениться в русской культуре, а их произведения не устареют, и будут перечитываться новыми поколениями. (Дружинин 1991: 108.) Дружинин видел и Гончарова талантливым писателем, работы которого стоят всеобщего внимания.

Произведение «Обломов» критик четко разделил на две части – первую и вторую. Первая часть показалась Дружинину унылой, как показалась она и Добролюбову. Дружинин отметил, что она была слабее остальных частей, и что здесь автор допустил ошибку, лишив первую часть романа ярких событий. Суть ошибки, как писал критик, была еще в том, что

вторая часть романа, насыщенная событиями, была еще в типографии в то время, когда первая уже вышла в свет и попала в руки читателей. (там же: 110.)

Дружинин не случайно разделил роман на две части. Он видел в Обломове двух разных людей: Обломова-лентяя и трепетно влюбленного Обломова, искренне переживающего свои чувства. По словам Дружинина, в первой части произведения мы видим одного Обломова, который лежит на диване, гоняет своего слугу Захара и не имеет желания выходить из дома. Во второй части мы видим совершенно другого Обломова, влюбленного в Ольгу, окрыленного и бодрого. Дружинин отметил, что между этими двумя совершенно разными Обломовами лежит целая пропасть. Черты характера, лежащие между одним и другим Обломовым, были настолько разными, что Гончаров не смог их сгладить и тем самым не смог сузить эту огромную пропасть между ними. (Дружинин 1991: 113.)

Несмотря на опасения, связанные с первой частью и с перерывом между публикацией первой и остальных частей, читатели с восхищением приняли творение Гончарова. Здесь мы видим, с каким трепетом Дружинин описал эмоции читателей. Они были восхищены до глубины души и на протяжении нескольких дней обсуждали, что же чувствует сам автор, который более десяти лет носил в своем сердце это творение, и который с волнением ждал реакции публики. Критик очень красочно и поэтично описал дальнейшие события:

«[...] жажда света и поэзии взяла свое [...] «Обломов» победоносно захватил собою все страсти, все внимание, все помыслы читателей». (Дружинин 1991: 110-111.)

Дружинин, как и Добролюбов, тоже увидел в Обломове отражение русской жизни, но он больше смотрел глазами Гончарова. Как писал критик:

«[...] Гончаров откровенно выводит перед нами того героя, который [...] представлялся ему как уродливое явление уродливой русской жизни» (Дружинин 1991: 114).

Этот образ настолько отточен и обработан автором, что

«Обломова» изучил и узнал целый народ, по преимуществу богатый обломовщиной»
(Дружинин 1991: 112).

Дружинин использовал здесь слово «обломовщина», описывая им жизнь Обломова в первой части романа. Однако другой, влюбленный Обломов уже не был в глазах критика засаленным и нескладным типом, который лениво и даже враждебно относится ко всему, что выходит за рамки его узкой сферы. Во второй части произведения мы видим совсем другого

Обломова и нам уже не узнать Илью Ильича. (там же: 116-117.) Присущая ему сонливость и леность сменилась активностью и бодростью. Вопреки своей прежней привычке поспать до обеда, а затем не спеша раздумывать о том, что предстоит сделать, Обломов стал просыпаться рано и сразу браться за дела. «Встает он в семь часов, читает, носит куда-то книги. На лице ни сна, ни усталости, ни скуки» (Гончаров 2009: 187).

Дружинин писал:

«напрасно многие люди с чересчур практическими стремлениями усиливаются презирать Обломова [...] Обломов любезен всем нам и стоит беспредельной любви» (Дружинин 1991: 113).

Критик не столько подчеркнул зависимость Ильи Ильича от окружающих его людей, сколько написал о тесных отношениях между ними, основывающихся на теплых чувствах к Обломову и на преданности к нему почти всех его друзей. (Дружинин 1991: 119.) Здесь критик отметил, что в представлении читателей Обломов может не казаться таким положительным и милым, поэтому аудитория может задаться вопросом, почему большинство из окружения главного героя так привязано к нему? Ведь Обломов выражает скорее отрицательные и пассивные эмоции в ответ на их привязанность к нему. На это Дружинин ответил, что в своих суждениях читатели могут быть правы, но Гончаров настолько точно сформулировал и создал образ героя, что все читатели, задумываясь над своими вопросами, находят сами на них ответы. Дополнения к образу Обломова приходят на мысль, когда читатели начинают активно искать их и рассматривать черты главного героя. (там же: 121–122.)

Дружинин, как и Добролюбов, тоже отметил тот факт, что при другом воспитании и при других обстоятельствах жизни Обломов был бы способен и любить, и заниматься делом, милым его душе. При этом Дружинин не забыл снова подчеркнуть то, что Илья Ильич Обломов дорог нам, как добрый человек своего времени, которого мы любим не за жалостную жизнь и не за проявление слабостей. (Дружинин 1991: 125.)

Подводя итоги, мы можем сказать, что критика Дружинина несет в себе очень хорошее отношение к главному герою романа – Илье Обломову. Дружинин не обвиняет главного героя в его происхождении и образе жизни, и даже не оправдывает его, а именно восхищается его «внутренней чистотой и добротой». Критик писал как о любви читателей в Обломову, так и любви к нему других персонажей романа. Подробно рассматривая

персонаж, Дружинин в своей статье подчеркнул, что невозможно не полюбить Илью Ильича и не проникнуться к нему симпатией.

4.3. «Обломов» в критике Д.И. Писарева

Д.И. Писарев был русским критиком XIX века. Свои самые первые рецензии на литературные произведения он написал, будучи на службе в журнале «Рассвет». В своих статьях Писарев не только представлял читателям произведение, но и анализировал его, стараясь выявить достоинства и соединить их с актуальными, для того времени, проблемами общества. Позже критик занимал посты главного редактора в таких известных тогда журналах, как «Русское слово» и «Отечественные записки». Его перу принадлежат рецензии на произведения Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.Н. Островского и других. Помимо критики, Писарев занимался также переводами. Например, одной из его работ является перевод поэмы Г. Гейне «Атта Троль». Он был заинтересован и в социально-экономических проблемах России. Восхищаясь трудами В.Г. Белинского и Н.А. Добролюбова, критик продолжает развивать их демократические взгляды, и планирует целую педагогическую систему. (БЗЛ, www.)

Критика на роман Гончарова была написана Писаревым в 1859 году в Петербурге. Он являлся в то время студентом историко-филологического факультета Петербургского университета. В течение своей деятельности Писарев был смелым и активным борцом за изменение существующего политического и общественного строя. Он понимал, что в России существует антагонизм между имущими и неимущими классами. Его деятельность проходила в среде молодых образованных людей и не проникала в глубины безграмотного и нищего народа. (Кулешов 1978: 278). Исходя из его статьи, мы можем сказать, что критик не осуждал Обломова за его апатию и нерешительность. Он считал, что личность Обломова надо рассматривать как неизбежное явление переходной эпохи. Обломовых много в русской жизни, и они являются невинными жертвами исторической необходимости (Писарев 1991: 75).

Он писал, что в романе «Обломов» среди действующих персонажей нет суетливой путаницы, лишних эффектов или постоянных потрясающих читателей событий. Вместо этого жизнь, поступки и помыслы героев открыты перед читателями. В произведении проводится очень спокойный, но четкий анализ всех героев и их жизни. Как пишет критик, Гончаров ни на минуту не теряет своей порицательности и присущей ему отчетливости. (Писарев 1991: 69–71.)

Как критик, Писарев не был так принципиален, как Н.А. Добролюбов, но и не так лоялен, как А.В. Дружинин. Во многом он согласен с этими двумя критиками, но в некоторых вопросах их мнения расходятся. Как мы упоминали ранее, существует много способов критики произведений. В своей статье Писарев подробно описал героев романа, характеризуя их и давая им оценку. По отношению к Обломову, критик не был столь снисходителен как Дружинин. В его критике главного героя нет столько понимания и сочувствия, сколько вложил в нее Дружинин. В некоторых случаях Писарев был даже очень беспощаден в своей критике. Родителей Обломова он резко осуждал, называя их совершенно неразвитыми родителями, которые на протяжении многих лет находились в полной умственной дремоте. Их образ жизни он назвал захолустным и сонным, а самого Обломова несчастным, попавшим в такие условия и выросшим в них. Вопрос о смысле жизни и работы стал оправданием безделья уже взрослого Обломова. Согласно Писареву, используя это оправдание, Обломов философски объяснял свое апатическое равнодушие. Он настолько поверил в это объяснение, что уже сам стал считать себя философом, который мудро рассуждает, а поэтому так бесстрастно и спокойно смотрит на деятельность других людей. Таким образом, как отмечает критик, лень получила в глазах Обломова силу закона. (Писарев 1991: 72–73.)

В отличие от Добролюбова и Дружинина, Писарев увидел в первой части романа заложенный автором скрытый смысл. Согласно этому смыслу, автор пытается исследовать то пагубное влияние, которое возникает впоследствии постоянного состояния апатии, сонливости и нежелания приложить к чему-нибудь какие-либо усилия. Поэтому, согласно Писареву, в первой части романа почти нет действий. Автор намеренно описывает в подробностях излишне тихую и спокойную жизнь Обломова, чтобы детально изучить его характер. Критик считал, что только в таком состоянии можно заглянуть во внутренний мир человека – тогда, когда он предоставлен только самому себе и своим мыслям. Человека невозможно увидеть изнутри в тех случаях, когда он поставлен в искусственное положение, зависящее от случайного стечения обстоятельств. (Писарев 1991: 71.)

Писарев отметил тот факт, что в деятельности Обломова полностью отсутствует какая-либо цель. Подавляющая его апатия выражается в форме абсолютного бездействия. Ее главными вопросами являются вопросы: «Зачем жить?» и «К чему трудиться?». Не находя ответов на эти вопросы, Обломов не видит цели в продолжении своей деятельности. У него опускаются руки, уходят силы и пропадает работоспособность. При этом Обломов даже не пытается бороться с ней и не стремится выйти из этого положения. Таким образом, главный герой

является олицетворением той самой умственной отсталости, которую Гончаров назвал обломовщиной. Критик описал обломовщину следующими словами:

«Слово обломовщина не умрет в нашей литературе: оно составлено так удачно [...] так осязательно характеризует один из существенных пороков нашей русской жизни, что, по всей вероятности, из литературы оно проникнет в язык и войдёт во всеобщее употребление.» (Писарев 1991: 71–72.).

Подобно Дружинину, критик был согласен с тем, что русская жизнь разносторонне отражается в описанной Гончаровым обломовщине. И подобно Добролюбову, критик увидел также отражение обломовщины в самом Обломове. Критик нашел обломовщину как явление, которое четко характеризует один из главных пороков русской жизни. Писарев также рассуждал о том, что же такое обломовщина и в чем заключается ее смысл. Как и Добролюбов с Дружининым, он писал о том, что Илья Ильич привык с детства к бездействию и барству, а также к полному выполнению его просьб, что и сказалось губительно на его характере. Как писал Писарев: «Он изнежен и избалован». В своем детстве он получил основные начала обломовского воспитания – исполнение всех прихотей, строгий запрет на всякий труд, сон вволю и кормление на убой. Все это удачно закрепилось сонно-ленивой деревенской обстановкой, в которой проживала семья Обломовых. Родители Обломова были также погружены в этот вечный сон апатии и бездействия, но Писарев заметил, что апатия самого Ильи отличалась от апатии его родителей. Отличие критик увидел в том, что, находясь в том же тяжелом сне, Обломов был способен на высокие чувства и мысли, на стремления сердца и ума, которые были развиты у него в связи с получением образования. Однако Обломов никогда не пытался применить свои чувства и мысли на практике. Они словно жили отдельной жизнью в его голове, не соприкасаясь с тем внешним миром, которым жил Обломов. (Писарев 1991: 72–74.)

Возвращаясь к вопросу о проявлении обломовщины в русской литературе, мы отмечаем, что Писарев был в этом вопросе немного другого мнения, нежели Добролюбов, хотя тоже считал, что обломовщина есть и будет как в русской литературе, так и в русской жизни (Писарев 1991: 70). При этом Писарев отделили друг от друга типы апатии, встречающиеся во многих литературных произведениях и присущих многим литературным героям. Как мы писали ранее, Добролюбов видел признаки обломовщины в героях Лермонтова и Пушкина. Однако, по мнению Писарева, типы апатий разных героев отличаются друг от друга. Апатия бывает двух видов – вынужденная и покорная. Когда мы говорим об Обломове и

обломовщине, то здесь речь идет о покорной апатии, т.к. герой романа не пытался изменить свой образ жизни. Обломов не мучился угрызениями совести, он не старался пойти против апатии, не пытался найти ответы на мучающие его вопросы. Во многих других случаях речь идет о вынужденно апатии, при которой человек старательно ведет борьбу с ней, тратя на эту борьбу большое количество сил и энергии. Поэтому Писарев отделяет друг от друга эти типы и четко выделяет обломовщину. (Писарев 1991: 70.)

В романе «Обломов» Писарев увидел разрешение широкой психологической задачи, которая, по словам критика, появляется и решается лишь в русских национальных явлениях. Писарев объяснил это тем, что в романе Гончарова затронуты современные и жизненные для XIX века вопросы, к которым есть общечеловеческий интерес. Эти вопросы отражают в себе, например, пороки, принадлежащие русскому обществу в то время. Критик подчеркнул, что видит в этих вопросах не умышленную критику общества, а скорее предъявление фактов такими, какие они есть. Гончаров просто описал действительность той жизни с ее людьми, мыслями и чувствами. Он выразил мысль, которая имеет особое значение именно для русского общества и для России XIX века, несмотря на то, что вообще эта мысль относится ко всем векам и народам. К середине XIX века литературная жизнь в России оживилась и это выразилось в появлении разных критических жанров. Поэтому Гончарову было важно соответствовать обществу и его интересам. Как мы писали в предыдущей главе, Дружинин увидел внутреннюю борьбу Гончарова, который сначала презирал своего героя, будучи под влиянием общества, а потом полюбил его, раскрыв в третьей главе романа его характер, описав детально среду его детства и прочувствовав почти каждую струну его души. Писарев также заметил эту особенность автора, как истинного поэта, вынашивать в своей душе и в своем сердце глубокий замысел как персонажей романа, так и всего сюжета. Как писал Писарев, Гончаров выводит этот замысел из глубины своей души и вкладывает в те образы, которые он создал. (Писарев 1991: 68–69.)

Как мы писали в теоретической части, между критикой, читателем и писателем существует особая связь. Социолог Хью Данкан описал эти отношения в схеме треугольника, в котором основная роль принадлежит писателю (Duncan 1967: 195). Писарев также подчеркнул важность писателя и уделяет особое внимание отношениям между публикой и автором произведения. Критик писал, что эти отношения основываются на сочувствии, доверии и проникновенности к автору. Когда читателю нравится какое-либо произведение, он начинает подсознательно составлять портрет писателя и видит в нем только хорошие качества. Читатель пытается понять личность писателя, присваивает ему те или иные положительные

качества. Иногда читатели чувствуют разочарование, которое может быть таким же тяжелым, как и разочарование в близком человеке. Однако между Гончаровым и аудиторией Писарев не увидел подобной связи. Безусловно, он не отрицает то, что Гончаров любим публикой, но критик не видит таких трепетных отношений. Образ самого автора находится словно в тайне, его невозможно увидеть в произведениях. Читателю сложно понять стремление и убеждения автора, т.к. он не владеет никакой информацией о характере Гончарова. Согласно критику, это говорит о том, что автор скорее продумал свое произведение, нежели прочувствовал. (Писарев 1991: 88.)

Подводя итоги, мы можем сказать, что в критике Писарева мы увидели особую точку зрения, с которой критик анализировал роман Гончарова «Обломов». Эта точка зрения отличается от критических взглядов Добролюбова и Дружинина. К примеру, на протяжении всего произведения внутренний мир Обломова находится в состоянии постоянной борьбы между своею ленивою природой и сознанием невыполненного человеческого долга (Писарев 1991: 74). Об этом Илья Ильич говорит Штольцу в сцене их последней встречи что он всё чувствует и понимает, и что ему давно совестно жить на свете. Эту психологическую, общечеловеческую особенность Обломова отметил Писарев в своей критике. «Образование научило его презирать праздность, но семена, брошенные в его душу природою и первоначальным воспитанием, принесли плоды» (Писарев 1991: 73). Умственная и физическая вялость, «апатия составляет явление общечеловеческое» (там же: 70). Вопросы психологического характера, касающиеся смысла жизни и значении труда в ней, часто возникают у каждого человека. Таким образом, Писарев рассматривал такие вопросы, как обломовщина, ее происхождение и существование в русской жизни, а также отметил и о решении психологических задач в романе. Кроме этого критик дал свою оценку Гончарову, как автору произведения. Кулешов отмечает, что критик осуждал Гончарова за слишком подробные детальные описания в «Обломове». (Кулешов 1978: 292).

5. Советская и современная критика о произведении «Обломов»

В этой главе мы расскажем о критике, написанной на роман Гончарова в советское, а также в настоящее время. Эта критика очень интересна для нас, поскольку в советское время, насыщенное советской идеологией, и в настоящее время, отражающее современный взгляд на произведение «Обломов», смотрели по-разному на этот роман, нежели в XIX веке. Критика этих двух разных эпох позволяет увидеть, под каким углом рассматривалось произведение Гончарова в эти времена и какие основные факты влияли на содержание критических статей.

5.1. Советская критика

Советская критика произведения «Обломов» является в какой-то степени уникальной, т.к. она создавалась в особых условиях, ограниченных советской идеологией и цензурой. Как и статьи других эпох, отражающих в себе принципы общества тех времен, так и советская критика более ярко выражает собой принципы советского общества. Для нашей работы мы выбрали работы таких критиков, как Ю.М. Лоциц и А.Г. Цейтлин. Наш выбор пал именно на эти работы, т.к. в них по-разному рассматривается произведение Гончарова. Статью Цейтлина мы выбрали, т.к. с точки зрения советской критики нам показалась особо интересной приведенная Цейтлином связь между исследованиями Ленина и романом Гончарова. У Лоцица нас заинтересовал необычный подход литератора к произведению. Лоцицу удалось подать читателям живой и свежий взгляд на человеческую сущность Обломова. Также нас заинтересовала трактовка названия романа «Обломов», представленная литератором.

5.1.1. «Обломов» в критике А.Г. Цейтлина

Советский литературовед А.Г. Цейтлин написал критику на роман «Обломов» в 1950 году. Цейтлин был доктором филологических наук и профессором. В течение многих лет он активно принимал участие в дискуссиях по проблемам литературоведения, а также ее методологии. Помимо этого, Цейтлин занимался исследованиями русской литературы XIX века. Именно он был автором самого первого в Советском Союзе учебника для университетов: «Русская литература первой половины XIX века». После этого он неоднократно выступал в роли редактора и составителя сборников научных статей по произведениям русских классических писателей. Цейтлин известен, как активный советский критик. Он многократно участвовал в специальных исследованиях, целью которых было

просматривание тех методов, с помощью которых писатели работали над своими произведениями. (Куб, www.)

В самом начале своей статьи Цейтлин отмечает талант Гончарова и то, что он создал поистине великое произведение, вложив в него в высшей степени прогрессивную идею – обсуждение таких человеческих качеств, как лень, бездействие и апатия. Критик ясно увидел в романе антикрепостнические тенденции того века. Автор произведения четко поставил вопрос о прогрессивности и правильности капиталистического развития государства. Цейтлин подчеркивает в работе Гончарова живость и выразительность языка, психологическую глубину образов романа, а также непревзойденную простоту сюжета, который не поддавался влиянию внешних эффектов.

Этот роман высоко оценили не только в XIX веке, но и в Советском Союзе. Как пишет Цейтлин, созданные Гончаровым образы очень широко использовались даже в ораторских выступлениях В.И. Ленина, и, кроме этого, в публицистике и во многих научных трудах. Образы использовали в целях борьбы с дворянско-буржуазным отношением к труду. Ссылаясь на исследование вождя пролетарской революции В.И.Ленина: «Развитие капитализма в России», Цейтлин подробно анализирует отношение Ленина к произведению «Обломов». Ленин описывал крепостное хозяйство, как замкнутое и очень ограниченное поместье, где наблюдалось господство натурального хозяйства. Также он использовал образ Обломова в тех случаях, когда давал характеристику различным явлениям крепостного хозяйства. Согласно такой характеристике, Обломов получал постоянный доход без труда и усилий. Этим самым он не влиял положительно на развитие производства. Ленин настаивал на отмене тех принципов, которые тормозят преобразование и подвижность таких мест, как Обломовка. В этом поместье жизнь протекает, словно спокойная река. Она не бьет ключом, не бурлит, и из года в год течет все также размеренно. Установленные когда-то обычаи и обряды никогда не меняются, сохраняя жизнь обломовцев в прежнем виде. Цейтлин называет Обломовку царством лени и, цитируя Ленина, говорит, что души обломовцев тихо спят, утопая без помех в мягком теле. Гончаров подчеркивает то, что в Обломовке все дышало ленью, неподвижностью и простотой нравов. Труд там считался наказанием, и бесполезной тратой времени. (Цейтлин 1950: 164.)

Цейтлин обращает внимание на то, как жизнь в Обломовке повлияла на еще маленького Илью, а затем на его уже взрослую жизнь. По мнению критика, Гончаров был очень точен в этом вопросе. Подобно психологу, он описал влияние помещичьей среды на формирование

мировоззрения ребенка. Ссылаясь на высказывания Ленина о воспитании детей, критик пишет, что ребенок впитывал, как губка, в свои ум и сердце те картины быта, которые были перед его глазами. Ленин напоминает о том, что умственное развитие у детей начинается очень рано, поэтому бывает трудно уследить за тем, как в душе и голове ребенка рождаются первые понятия. Впоследствии сложившегося в маленьком Илье понятия о правильной жизни, у него появилось и желание жить только так, как живут находящиеся вокруг него взрослые люди. Это желание произошло, в свою очередь, от твердого решения, что именно это и есть правильный образ жизни. Детский ум Обломова был пропитан психологией дворянского поместья. (Цейтлин 1950: 164–167.)

Критик пишет, что заложенные в Илюше понятия связаны во многом с народным творчеством, занимающим важное место в жизни обломовцев. Избалованный мальчик выбирал сказки не просто так, а подсознательно предпочитал именно такие, в которых главным смыслом была легкая и желанная победа без особых усилий – только мечта и не прикладывая труда. Поэтому Илья часто задумывается о загадочной Милитрисе Кирбительевне и мечтает о тех краях, где нет печали и забот, ответственности, тяжелых трудов и суеты. Есть только покой, сон, уютное ложе, уже готовая еда и сшитая одежда. Книги, которые Обломов читал в молодости и в зрелости тоже отражали в себе привычный Обломову образ жизни. Например, его привлекала теория французского и швейцарского экономистов Жана Батиста Сэя и Жана Шарля Сисмонди, согласно которой патриархальное хозяйство является надежной основой любой социальной организации. (Цейтлин 1950: 166–168.)

Цейтлин проводит сравнение между романом Гончарова и другими литературными произведениями. По мнению критика, Гончаров изобразил в своем романе помещика-байбака, т.е. сонного, неповоротливого человека, который живет одинокой и ленивой жизнью. Тему байбачества критик заметил в русской литературе первой половины XIX века. Ее глубоко раскрывает Гоголь в своих произведениях «Мертвые души», «Старосветские помещики» и «Женитьба». В поэме «Мертвые души» автор описывает жителей города, как ленивых людей, которых нужно было подгонять к делу пинками. Некоторые из них лежали и вовсе байбаками, и никакие уговоры не помогали сдвинуть их с места. Помимо этого, образ Тентетникова имеет схожие черты с Обломовым. Объединяют их и похожие биографии. Цейтлин приводит в пример такие похожие моменты, как пробуждение героев, долгие обдумывания, неудачная служба в Петербурге или закрытый от общества образ жизни. В повести «Старосветские помещики» Гоголю удалось описать не только сам образ жизни

таких людей, но и раскрыть его происхождение. Автор описал ту среду и те моменты воспитания, в которых сформировался характер помещика-байбака. Обломов превратился в лентяя, благодаря тем обстоятельствам жизни, в которых он оказался, проживая в Обломовке. Цитируя советского историка и литературоведа Н.К. Пиксанова, Цейтлин определяет среду Обломовки, как уездное, деревенское и мелкое дворянство, которое не являлось таким высоким, как столичное и образованное дворянство. Несмотря на это, Обломовы являлись помещиками и владельцами земли. На них трудились крестьяне, выполняя за них всю работу и освобождая от необходимости делать что-либо самим. Таким образом, Обломовы были обеспечены чужим трудом и по закону пользовались им по статусу. От этого у них формировалось особое мировоззрение и строилась своя, как психологическая, так и бытовая жизнь. (Цейтлин 1950: 164–165.) Роман Гончарова можно назвать первым русским литературным произведением, которое содержит в себе ход всей жизни главного героя, от рождения и до смерти. В образ Обломова автор вложил много накопившихся в себе чувств, эмоций, впечатлений, симпатий и сомнений, а также разных мыслей. И того следует, как заключает Цейтлин, что герой Гончарова отличается от гоголевских характеров значительной превосходностью их психологической однопланности. (там же: 153–154.)

Критик описывает байбака Обломова, как человека, во внешнем виде которого глубоко отражались самые главные особенности его внутренней психологии. Такими особенностями были, например, отсутствие сосредоточенности и определенной идеи в голове. Неподвижный образ жизни Обломова привел его к тому, что он стал плохо выглядеть, рано постарел и, помимо этого, у него ухудшилось здоровье. Эти болезни, как пишет Цейтлин, носили резко социальный характер, они были словно частью жизни подобных помещиков-байбаков. Свои болезни и недуги они получали исключительно из-за постоянного желания спать и отдыхать. Особенность Обломова, в отличие от многих других байбаков, в том, что Илья Ильич – человек образованный и глубоко мыслящий. Свое желание лежать он совмещал с мечтами и иногда с мыслями о настоящем и будущем. Обломов часто предавался и философствованию, находясь по-прежнему на своем диване. (Цейтлин 168–169.)

Подобное состояние лени и полного бездействия Цейтлин называет болезнью под названием «обломовщина». Причины этой болезни критик видит только в патриархальном воспитании Обломова. Здесь он подчеркивает, что само местонахождение Обломовки не сыграло большой роли. Крепостничество и помещичья жизнь имели бы такие же последствия и в других городах России. Центральное влияние оказывало не то место, где было поместье, а те

пишет о байбачестве людей, у которых в жизни отсутствовало главное дело. Они только «коптили небо» своим праздным существованием. Тот же образ жизни наблюдался и у героя пьесы «Женитьба» - Подколесина, который тоже живет байбаком. Те же приметы замечены Цейтлином и в других образах, таких, как образ Лентюга из комедии И.А. Крылова «Лентяй» и образ Горина из комедии «Ленивый» неизвестного автора. Проводя сравнение, Цейтлин подчеркивает то, что, несмотря на упоминание байбаков другими писателями, методы воспитания, которые там применялись, а также те понятия, которые детям закладывались с детства. Обломов не видел смысла в труде и службе, считая это делом крестьян. Он не хотел выполнять этот низкий, по его мнению, и недостойный Обломова труд, не хотел на него размениваться. По этой причине он предпочитал лежать дома и находится в поисках того достойного дела, на которое он не рассыпался бы зря, тратя напрасно годы своей жизни. (Цейтлин 1950: 172–173.)

Подводя итоги, мы можем сказать, что статья Цейтлина глубоко отражает в себе принципы тех норм, которые существовали в советские времена. В своей работе критик часто ссылается на Ленина, используя труд Гончарова, как анти-образец для подражания. Цейтлин много говорит о жизни в Обломовке и ее большом влиянии на Обломова – как на маленького мальчика, так и на уже взрослого мужчину. Несмотря на критический подход к главной теме произведения – крепостничеству в русской жизни, Цейтлин высоко оценил стиль Гончарова, отмечая выразительность языка и психологическую глубину образов романа.

5.1.2. «Несовершенный человек»

Глава из книги Лощица, посвящённая Обломову, называется: «Гончаров». Эта книга содержит оценку некоторых произведений Гончарова, а также биографию самого автора. Эта работа принесла большую популярность Лощицу. Критика романа «Обломов» стала центральной. В этой главе литератор рассматривает образ Обломова и проводит аналогию с образами и проблемами героев «Дон Кихота» Сервантеса, сказочного персонажа Емели-дурачка, Гамлета Шекспира и других, в которых «предельно обнажено одно из корневых противоречий человеческого сознания – противоречия между идеальным и реальным, воображаемым и действительным» (Лощиц 1977: 183). Помимо этого, он рассматривает современность проблематики произведения. Автор имеет особое представление о миссии литературы – он считает, что у литературы есть сильное влияние, и поэтому она способна положительно повлиять на всеобщие перемены в жизни. (ФСК, [www.](http://www.fsk.ru))

По мнению Лощица, в романе Гончарова очень важна оторванная от реальности, сказочная тема. Сам автор, работая над «Обломовым», называл роман «большой сказкой». К примеру, речь обломовцев, при обсуждении ситуации в мире, представлена в романе в виде мифологической лексики

«пришли последние дни, восстанет язык на язык, царство на царство [...] наступит светопреставление!»

Про свою жизнь в Обломовке, они уверены, что ничего худого не произойдёт, они так и будут мирно спать на зависть другим царствам. (Лощиц 1977: 171.) Сказочная тема идеологически настолько весома, что литератор видит в ней тот способ художественного отображения действительности, который применяет Гончаров. Лощиц называет этот способ мифологическим реализмом. Автор сумел органически ввести мифологический материал в содержание романа. Как пишет критик:

«[...] всё, что происходит в реальной жизни, кажется ему дурным сном, от которого необходимо поскорее избавиться» (там же: 191.)

Гончаров, называя свое произведение сказкой, считал, что она должна произвести особое впечатление на читателей. Какое именно впечатление, Гончаров, на тот момент, не смог еще определить. (там же: 170.)

Лощиц особенно выделяет главу IV «Сон Обломова» т.к. считает эту часть произведения смысловым образным ключом, с помощью которого можно понять весь роман. Кроме этого, Лощиц считает эту главу идейно-художественным средоточием романа. Отчий дом Обломова выступает словно в роли сонного царства большой сказки. Безусловно, как подчеркивает Лощиц, действие романа, как и действительность, описанная Гончаровым, происходит далеко за пределами Обломовки. Несмотря на это, родной дом Ильи Ильича является основой той действительности, которую мы видим в романе. Он незримо присутствует везде, где находится и главный герой.

Лощиц рассматривает основные признаки сонного царства, а также его влияния на развитие тех событий, которые происходили с Обломовым после того, как он покинул отчий дом и переехал в Петербург. Характерной особенностью жизни поместья Обломовки, по мнению критика, является отстранённость от внешнего мира. Люди живут своей жизнью, не желая знать того, что происходит в других местах. Жители поместья не видят смысла в том, чтобы

куда-либо идти и смотреть, как живут другие. В их окружении даже не обсуждается тема о других людях, об их судьбах. Лощиц приводит в пример эпизод с незнакомым, спящим в канаве мужчиной. (Лощиц 1977: 170.) Как описывает этот момент Гончаров:

«И все ушли назад, в деревню, рассказав старикам, что там лежит незнакомый [...] и Бог его ведает, что он там [...]» (Гончаров 2009: 105).

Лощиц обращает внимание на то, как талантливо и разнообразно Гончаров описывает жизнь в Обломовке.

«Тихо и сонно все в деревне: безмолвные избы отворены настежь [...] та же глубокая тишина и мир лежат и на полях [...] тишина и невозмутимое спокойствие царствуют и в нравах людей [...] ни грабежей [...] никаких страшных случайностей» (Гончаров 2009: 103).

В этом контексте Лощиц раскрывает понятие и значение словосочетания «сонное царство». Подобному сонному царству противопоказано любое дело, любой вид действия и движения. Исходя из этого, можно назвать Обломовку миром постоянного безделья, в котором единственным важным трудом было приготовлении еды. Лощиц представляет сонное царство Обломовки как замкнутый круг. Автор поясняет, что слово «круг» имеет прямое отношение и к отчому дому Обломова, и к его фамилии. Первая часть слова «обло», в своем архаическом значении, означает круг и округность. Отсюда произошли также такие слова, как «область» или «облако». Лощиц даже видит сходство между округленными, объемными формами Обломова и слоистыми, кучевыми облаками. В фамилии Ильи Ильича литератор увидел не только сходство с кругом, он заметил там и другое значение. Это значение – слово «обломка». Что такое обломовское существование, пишет Лощиц, как не обломок той полноценной жизни, которую Илья Ильич проживал ранее в Обломовке, являющейся тоже в какой-то степени обломком. Имение можно назвать обломком тихого, спокойного рая, где обитателям обломился большой кусок пирога. В словосочетании «кусочек пирога» таится как прямой, так и скрытый смысл. В прямом смысле это обозначает кусочек того пирога, который традиционно пекли и ели в Обломовке. В переносном смысле Лощиц имеет в виду ту благодатную, счастливую и беззаботную жизнь, которую проживали в поместье. Как напоминает нам литератор, значение слова «пирог» заключается в пире горой, в роге изобилия, в вершине всеобщего веселья. (Лощиц 1977: 172.)

Основным фольклорным прообразом главного героя романа Лощиц видит сказочного персонажа Емелю, и во многом связывает события, произошедшие в жизни Емели, с

событиями из жизни Обломова. Лошиц выделяет одно очень важное, по его мнению, предложение, которое прозвучало из уст няни маленького Ильи. (Лошиц 1977: 174.) Няня, по своему обыкновению, рассказывала Илюше сказки о неведомых местах, неслыханных красавицах и невероятных богатырях.

«Там есть и добрая волшебница, являющаяся у нас иногда в виде щуки, которая изберет себе какого-нибудь любимца, тихого, безобидного, другими словами, какого-нибудь лентяя, которого все обижают, да и осыпает его, ни с того ни с сего, разным добром, а он знай кушает себе да наряжается в готовое платье, а потом женится на какой-нибудь неслыханной красавице, Милитрисе Кирбитьевне» (Гончаров 2009: 115).

В этом одном предложении Лошиц увидел почти всю судьбу Обломова. Литератор объясняет увиденное следующим образом. В лентяе, которого все обижают, он узнал Обломова. Того тоже обижают и обманывают такие персонажи, как Тарантьев, Мухояров или староста поместья. По мнению литератора, предателями даже являются Штольц и Захар, которые, казалось бы, очень преданы Обломову. Подобно безобидному лентяю из рассказа няни, Обломов только и делает, что находится за трапезой, а позже находит свою Милитрису Кирбитьевну в лице Агафьи Пшеницыной. (Лошиц 1977: 183.) Лошиц отмечает, что няня Обломова является особым персонажем в романе. Она усиливает сказочное впечатление от романа. Она сама добрая волшебница и с помощью её образа наиболее выразительно показано своеобразие мифологического реализма Гончарова. «Русской Илиадой» называет критик рассказы обломовской сказительницы. Он проводит аналогию имён Ильи Ильича и русского былинного богатыря Ильи Муромца, с которого и начинается «Русская Илиада».

На этом этапе Лошиц подчеркивает значимость сказочно-мифологической темы в романе – она настолько охватила все пространства романа, что, в конце концов, сказка и реальность окончательно потеряли свои границы. Как написал и сам Гончаров, в жизни Обломова прошлое и настоящее слились воедино, и Обломову уже стало казаться, что он достиг той сказочной, волшебной земли, где вместо воды в реках течет мед и молоко, а люди ходят одетые в золото и серебро. (Лошиц 1977: 174.) Подобно многим сказочным дурачкам, он не имеет никакого желания чем-либо заниматься в жизни.

По мнению Лошица, сказочная мифология во много связана и с образом самого Обломова. Обломов - мудрый дурак, за внешним дурачеством отказ от суеты практицизма. Кроме этого у него есть ряд других особенностей, делающих его схожим со сказочными ленивцами-

дурачками. Например, он стремится к полному бездействию, к беззаботной, легкой жизни, в которой ему не надо искать и получать новых знаний. Его мораль заключается в том, что нужно достигать только того, что легко дается, поскольку это не составит лишнего труда. Если что-либо требует дополнительных усилий и стараний, то зачем это вообще нужно, сойдет и так. Ведь не делают же птицы большого труда: не сеют рожь, не собирают хлеба. Только песни звонкие поют и добывают себе пищу, не прикладывая к этому никаких усилий. (Лошиц 1977: 175.)

Только что мы рассмотрели Обломова, как ленивого, апатичного персонажа. Однако Лошиц видит в Обломове и другую сторону – критикующее лицо. В четвертой главе мы писали, что критики Добролюбов и Дружинин находят первую часть романа скучной и унылой. Однако Лошиц видит ее яркой и значимой, поскольку именно в первой части описана активная борьба Обломова с обществом. Он спорит, критикует и осуждает, защищая свои права на такой образ жизни, который он ведет. Лошиц напоминает, что уже в начале первой главы Обломова навещают разные люди, с целью уговорить его посетить театр или хотя бы просто сходить с ними на прогулку. Лошиц обращает внимание на то, что каждый из заглянувших к Обломову друзей отличается по характеру, по профессии и по образу жизни. К примеру, Судьбинский является чиновником, Волков любит светские встречи, балы и театры, Пенкин представляет собой прямолинейного, беспринципного журналиста. Каждому Обломов отвечает отказом, не желая покидать стены своего дома. При этом он не просто отказывает, ссылаясь, например, на недуг, он искренне не понимает смысла в посещении того или иного места, и откровенно об этом говорит. Обломов даже жалеет своих друзей, представляя, как они ходят из одного места в другое, посещая то балы, то театры, то собираясь в гости. На протяжении первой части книги Обломов продолжает недоумевать, на что же рассыпаются и раздробляются его друзья, и в чем же заключается смысл их жизни. Как отмечает Лошиц, в заключении первой главы происходит еще один яркий эпизод: приезжает лучший друг Обломова – Андрей Штольц. Этот момент ярок, потому что интригует читателя, говоря о том, что впереди его ждет что-то интересное, ведь Штольц является единственным человеком, который может повлиять на Обломова. (Лошиц 1977: 177.) Активный, деятельный персонаж символизирует собою появление «нового» и одновременно обнажает беспомощность «старого».

В своей статье Лошиц приводит небольшое сравнение романа «Обломов» с произведением Иоганна Вольфганга фон Гёте «Фауст». Сходство Лошиц видит в том моменте, когда Штольц решает взять под свой контроль ситуацию с Обломовкой и с накопившимися в ней

проблемами. Выход из всех трудных ситуаций Штольц находит только один – построить на месте имения Обломовых станцию железной дороги. Здесь Лошиц и видит сходство с немецкой трагедией Гёте, в которой также намечалось строительство канала на том месте, где находилась усадьба Филемона и Бавкиды. Однако Лошиц подчеркивает, что никаким образом не видит в Штольце носителя фаустовского начала, поэтому очень осторожно проводит параллель между произведениями. (Лошиц 1977: 180.) Лошиц упоминает и о сходстве романа Гончарова с произведением Сервантеса «Дон Кихот», т.к. и в этом романе происходит противоречие действительного и воображаемого. У Дон-Кихота была фантастическая вера в свои мечты, которая никак не сопоставлялась с той реальностью, в которой он жил. То же самое происходит и у Обломова, который проживает словно в сказке, несмотря на то, что реальность постоянно посылает ему сигналы о том, что его образ жизни, «обломовщина», подходит к своему концу и вскоре станет лишь иллюзией. Обломов этого не замечает, продолжая витать в облаках своих грез.

Имя главного героя романа такое же, как и у былинного богатыря Ильи Муромца. Он тоже «сиднем сидел тридцать лет» и только после того как «калики перехожие» (странники, которые пели духовные песни и играли на музыкальных инструментах) излечили его, наделили физической силой, он отправился совершать подвиги. К Обломову тоже приходит друг Андрей Штольц и заставляет Илью Ильича встать с дивана и совершать действия ради возлюбленной Ольги Ильинской: не лежать после обеда, посещать театр, заниматься чтением книг. По мнению Лошица, любовь Ольги носит экспериментальный характер. С её стороны это заданная влюблённость. Она полюбила, чтобы перевоспитать Илью Ильича и для этого сама предпринимает первые шаги. Ей нравится быть в неестественной для нее роли «просветительницы» и вести за собой мужчину. Однако их история любви закончилась безуспешно. Причиной разлада являлось, с одной стороны, неумение Обломова принимать реальные решения, а с другой стороны, несвойственная Ольге роль наставницы и спасительницы. Критик сравнивает их отношения с замерзающей рекой, которая становится в романе символом не связи, а разъединения. Лёд на Неве – это лёд в отношениях Обломова и Ольги. Река встала и прекратилось течение любви. (Лошиц 1977: 187.) Обломов женился на Агафье Матвеевне, безмолвной, неловкой, не умеющей выражать свои мысли красивыми, нежными словами. Она была целиком предана своему мужу, и ему от этого было комфортно и уютно с ней. Как отмечает критик, жизнь для Обломова – это жена (Лошиц 1977: 185). Она бездонный источник ласки и преданности. И как ему не любить такую жизнь и не желать её постоянно? Никакого сомнения в этом вопросе у него нет.

Лошиц заканчивает свою критику словами о том, что Обломов умирает, так и не приняв участия в работе общества, не познав великих подвигов, а вместе с этим и радостей этого мира.

Подводя итоги, мы можем сказать, что критика Лошица, на первый взгляд спокойная и сдержанная, является на самом деле порицательной. Лошиц представляет читателю Обломова, как мечтающего безработного человека, живущего лишь в мире грёз. Автор отмечает, что в бездеятельности Обломова присутствует философия. «Философия Обломова есть философия абсолютного покоя, абсолютного бесстрастия». По мнению Обломова, покой и отсутствие движения являются совершенно идеальным состоянием мира. (Лошиц 1977: 188). В романе «Обломов» наглядно показано несовершенство человека. Создавая свою идеально-спокойную жизнь, герой не в состоянии её властно утвердить и сделать образцом. Для этого надо быть человеком, подобным Штольцу, активным и внушающим другим свою волю. Обломов не хочет стать другим и не может. Реальность же, на самом деле, совершенно другая. Она заключается в труде, в достижении целей, выполнении задач, в стремлении быть «историческим человеком», но Обломов просуществовал вне хода истории. Поэтому образ Обломова, представленный Лошицем, показался нам именно сказочно-мифологическим, так и умершим позже в своих фантазиях, не узнав радости труда, наград и почета.

5.2. Современная критика

Современные ученые и исследователи активно и разносторонне обсуждают вопросы, касающиеся произведения И.А. Гончарова «Обломов». Статьи касаются таких вопросов, как, например, семантика садов в романе, музыкальные параллели «Обломова». Однако для нашего анализа мы выбрали статью Э.Я. Фесенко «Обломов любезен всем нам и стоит беспредельной любви?». Наш выбор пал именно на эту работу, т.к. она глубоко рассматривает влияние Обломовки и обломовщины на маленького Илью, а также на его дальнейшую жизнь. Фесенко глубоко анализирует как внутреннее влияние обломовщины, так и ее последствия, происходящие уже внутри главного героя: его мысли, переживания. Автор просматривает происхождение обломовщины в семье маленького Ильи: откуда берутся корни его мировоззрения, что повлияло на формирование таких понятий, согласно которым Обломов строит свою жизнь.

5.2.1. «Обломов любезен всем нам и стоит беспредельной любви?»

Э.Я. Фесенко является профессором и кандидатом филологических наук. Свою диссертацию она написала по специальности – русская литература, посвятив ее теме о художественной концепции творческой личности в произведениях В.А. Каверина. Научные интересы Фесенко связаны, например, с выявлением проблем теории литературы на современном этапе, с проблемой героя в русской классике. (Ученые России, www.)

Статья Фесенко под названием «Обломов любезен всем нам и стоит беспредельной любви» была написана в 2013 году. В своей работе Фесенко, выступая в роли критика, рассматривает произведение «Обломов» с разных сторон, рассуждая и делая выводы. Критик уделяет особое внимание образу Обломова, пытаясь понять, как сформировался его характер, в каком направлении шло общее развитие маленького Ильи и к чему оно привело его уже в зрелом возрасте. Согласно Фесенко, маленький Обломов был подобно ледяному, экзотическому цветку, который рос в изолированном месте. Он впитывал в себя все, что видел и слышал дома, все детали картины домашнего быта. Критик подчеркивает тот факт, что это повлияло во многом на дальнейший образ жизни Обломова, поскольку он с детства, используя живые примеры родителей и быта, чертил в своем сознании программу правильной, по его понятиям, жизни. (Фесенко 2013: 160.) Родители Обломова понимали и выгоду, и востребованность образования, однако они видели только внешний блеск. Глубокий смысл обучения наукам, внутренняя потребность к получению знаний и стремление к расширению кругозора были им непонятны и далеки. (Гончаров 2009: 138.) Как мы уже писали, образ жизни Ильи Ильича заключается в спокойном, тихом и беззаботном времяпрепровождении. Всю работу по дому выполняла прислуга, любые попытки ребенка сделать что-либо самостоятельно пресекались незамедлительно, а все желания, наоборот, стремительно выполнялись даже тогда, когда речь шла об обычном детском капризе. Таким образом, согласно Фесенко, в характере Обломова развивались и закреплялись такие черты, как бездеятельность, вялость, барская избалованность и флегматический темперамент. Уже во взрослом Обломове отразился и весь характер главного героя, и тот образ жизни, который он ведет. (там же: 159.) Обломов рассуждал о последствиях жизни, прожитой вволю, то есть только так, как хочется. Опасность была в состоянии хаоса противоречий, распутать которые не будет способен ни один человек. Достигнув сегодня того, что пожелал накануне, уже не пожелаешь завтра, и потому почувствуешь искреннее раскаяние в исполненном так стремительно желании. Подобные последствия Обломов видит в случае дерзких,

самостоятельных действий по жизни, основанных лишь на своевольных «хочу». (там же: 246-247.)

Как описал героя сам Гончаров:

«взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки», «цвет лица [...] не был [...] румяный», «обрюзг не по летам» (Гончаров 2009: 5).

Подобное состояние, по мнению Фесенко, стало результатом именно такой помещицкой жизни, которую вел Обломов с раннего детства. Критик, ссылаясь на некоторых критиков демократического направления, называет такой образ жизни патриархально-помещицким, а также паразитическим. (Фесенко 2013: 158.) Судьба Ильи Обломова является типичным примером того, как сложилась судьба многих представителей дворянской интеллигенции XIX века. Произведение Гончарова вышло в свет в период кризиса крепостнической системы, когда в обществе менялись понятия и укрепившиеся ранее нормы. В связи с этим, критик видит Обломова, как уходящий, «итоговый» тип представителя дворянской культуры. (там же: 158.)

Фесенко затрагивает в своей статье вопрос о понятии словосочетания «лишний человек» и его значении в романе Гончарова. Автор считает, что эта тема – влияние общества на активность личности – очень важна в данном произведении. В романе произошло медленное угасание личности Обломова, который переживал трагическое состояние. В этом состоянии главный герой не мог понять, по какой причине у него нет желания чем-либо заняться и от чего так пусто на его душе. Также Илью Ильича посещали мысли, почему исчезает вера в лучшее и появляется неверие в свои силы. По мнению критика, ответы на эти вопросы можно найти в глубоком анализе русской общественной жизни XIX века. В то время «лишние люди» не принимали окружающий их мир, не желая смириться с ним. Они противились светскому обществу, считая его мораль фальшивой. (Фесенко 2013: 157–159.)

Большое влияние помещицкого образа жизни, безусловно, оставило свой след в судьбе Обломова, однако Фесенко акцентирует внимание на переживаниях главного героя. Критик пишет о тех душевных страданиях, во время которых Обломов, мучаясь, задавал себе вопросы о смысле жизни, смысле получения знаний и о том, зачем же ему нужны эти знания. Он не мог понять, когда же наступит тот момент, когда можно будет применить их на деле. Эти мысли часто посещали Обломова и будоражили его сознание. Здесь мы заметили, насколько Фесенко проникается к герою романа, и какое сочувствующее отношение к нему

испытывает. Гончаров писал о том, что настоящей, внутренней жизни Обломова никто не видел и не знал. Все только думали, что он просто лежит сам по себе, проводит дни во сне, да за трапезой. Ждать от него нечего и пользу окружающим он вряд ли когда-нибудь принесет. К тому же, у всех были большие сомнения по поводу его умственных способностей. О том, какие мысли крутились в голове Обломова, и какие чувства кипели в его душе, знал только его близкий друг – Андрей Штольц. Лишь ему было известно, насколько болезненно Обломов переживал то, что происходило у него внутри. Он чувствовал, что где-то глубоко в нем есть совсем другое, светлое начало. Подобно слитку золота лежит там это нетронутое начало и, томясь, ждет своего выхода. (Фесенко 2013: 164.)

О периоде любви, которым были охвачены Илья Ильич и Ольга Ильинская, критик пишет, как о моменте «пробудившем» Обломова. Критик отмечает, что чувство любви, возникшее между ними «пробудило» в нём веру в счастье, в возможность совместной жизни. Он объездил с Ольгой все окрестности, посетил загородные концерты. Несмотря на приятное времяпрепровождение, это был трудный период для двух влюблённых, и отношения между ними складывались непростые. Ольга мучилась в сомнениях:

«[...]я верю твоей любви и своей силе над тобой. Зачем же ты пугаешь меня своей нерешительностью, доводишь до сомнений? [...]» (Фесенко 2013: 167).

Илья верил в себя:

«Смотри, смотри на меня: не воскрес ли я, не живу ли я в эту минуту? Ах, если б этот же огонь жёг меня, какой теперь жжёт, – и завтра, и всегда!»

Но «всегда» не получилось. Обретение цели жизни в любви к Ольге для Обломова оказалась иллюзией. Любовь принесла ему чувство радости в сопереживании другому человеку, но не смогла изменить содержание жизни Ильи Ильича. Он сказал своему другу Штольцу, что целью жизни является сама жизнь, а не женщина. Обломов настолько привык к долгому сну, что бодрствование, борьба, движение ему не под силу, тем более любовь. (там же: 174). Он восклицает: «что это за жизнь, всё волнения да тревоги! Когда же будет мирное счастье, покой?» После таких размышлений он прекращает свои отношения с Ольгой. Фесенко считает, что Обломов, быть может справился бы с внешним врагом и он не лжёт Ольге, говоря ей: «Если б надо было умереть за тебя, я бы с радостью умер». Но он не в состоянии справиться сам с собою, с обломовщиной. (Фесенко там же: 175). Он не готов был к сильным

страстям. Только женитьба на добросердечной и заботливой Агафье Пшеницыной вернула его в состояние покоя и счастья.

«Он сближался с Агафьей Матвеевной – как будто подвигался к огню, от которого становится всё теплее и теплее [...]» (Гончаров 2009: 384).

Фесенко подробно описывает внутренний мир Обломова, обращая внимание на такие его чувства, как страх, смятение, неуверенность, а также на философию его жизни. Согласно этой философии, Обломов стремился в своей жизни не только к покою – параллельно с этим шла идеализация таких нравственных сторон жизни, как искренность, доброта или радушие. Эта идеализация видна, например, в его диалоге со Штольцем, во время которой Обломов описывал другу воображаемую им усадьбную идиллию. Илья Ильич представлял себе живущих в усадьбе людей добрыми и искренними. В глазах их читается только симпатия, а шутки их отражают лишь добро. «Что в глазах, словах, то и на сердце!» – говорил Обломов. Как предполагает Фесенко, Илья Обломов не спешил становиться в Петербурге частью общества, т.к. он не увидел в большом городе тех искренних, человеческих отношений, которые мечтал увидеть в людях. Петербургская жизнь показалась ему нравственно испорченной, он нигде не находил тех сторон жизни, которые искал и о которых мечтал. Почувствовал он также и разочарование от службы, впоследствии чего у него развилось чувство скептицизма. Обломов стал все чаще задаваться вопросом о смысле труда в жизни человека. Своя служба казалась ему злом, которое вытягивало из него всю радость, отнимала все время и все мысли, оставляя лишь пустоту. Поэтому, освободив себя от бессмысленного труда, и приняв горизонтальное положение на диване, Обломов принялся за важную, по его мнению, миссию – познанию высоких помыслов. (Фесенко 2013: 164-165.)

В литературно-критической статье Фесенко, как и в других рассмотренных нами критических работах, присутствует тема сравнения героя Гончарова с другими литературными героями. Фесенко считает Обломова коренным русским типом и поэтому, в отличие от некоторых других литераторов, не допускает его сравнения с такими персонажами, как Гамлет или Дон Кихот. В образы этих героев вложены свои особенные черты характера, которые присуще людям именно той страны и той эпохи, в которой создавалось произведение. Критик также не принимает сравнения Обломова с Диогеном или Платоном, поскольку в них четко отражается философия кинизма, полностью отсутствующая в Илье Обломове. (Фесенко 2013: 165.) Кинизм затрагивает вопросы идеологии низших классов, поэтому философия кинизма не имеет отношения

непосредственно к самому Обломову (Нахов 1982: 4). Выражая свое согласие с русским литератором В. Соловьевым, Фесенко пишет, что Обломов – это такой тип, равного которому невозможно найти ни у одного русского писателя. Поэтому сравнивать с ним невозможно даже таких похожих героев, как Е. Онегин и Г. Печорин. (Фесенко 2013: 165–166.)

Понятие «обломовщина» Фесенко раскрывает в своей статье, во многом ссылаясь на мнение современников Гончарова. Таким образом, согласно Фесенко, обломовщина является интернациональным явлением, корни которого исходят из «незрелости общества». Говоря о корнях обломовщины, критик упоминает детство Ильи Ильича, видя в ней тоже суть обломовской жизни. Те условия, в которых воспитывался и рос маленький Илья, можно приравнять к этапу развития русской жизни XIX века. Обломовщиной также называется та умственная апатия, которую олицетворял в себе Обломов. Фесенко, цитируя Писарева, соглашается с ним в том утверждении, что термин «обломовщина» будет всегда присутствовать в русской литературе, поскольку он составлен очень удачно, и поэтому четко характеризует один из главных пороков русской жизни. Критик подчеркивает, что для понимания обломовщины и обломовского типа жизни, важно понять слова Гончарова о том, что обломовцы плохо верили своим душевным тревогам и не считали смыслом жизни все те события, которые происходят с человеком на протяжении его жизненного цикла. Они, наоборот, считали, что нужно остерегаться всяких перемен, изменений и крутых жизненных поворотов. На сознание людей повлиял непосредственно сам образ жизни: отсутствие движения, постоянная тишина сонной жизни и отсутствие приключений. В таких условиях, как считает Фесенко, нет никаких шансов на то, чтобы личность человека реализовалась и раскрылась. (Фесенко 2013: 161,169.)

Подводя итоги, мы можем сказать, что в своей статье Фесенко очень глубоко анализирует происхождение и влияние обломовщины в жизни Ильи Обломова. Критик не только рассматривает те внешние факторы, в которых развивалась обломовщина, но и заглядывает в душу главному герою, пытаясь проанализировать то, что происходило внутри него. Согласно Фесенко, корни обломовщины происходят от незрелости общества, в котором вырос Обломов. Он, как маленький цветок, рос в закрытом пространстве, впитывая в себя все, что происходит в окружающей его среде. Родители были для него тем примером правильной жизни, которому стоит следовать. Однако проживая такой же жизнью в Петербурге, Обломова терзают сомнения и разные мысли по поводу образа и смысла жизни, работы и того главного дела, которому стоит посвятить свою жизнь.

Отличительной чертой критической статьи Фесенко является то, что критик видит в Обломове ни с кем несравнимую индивидуальность, неповторимость образа. По мнению Фесенко, Обломова нельзя отождествлять с другими героями своего времени.

Заключение

Задачей нашей работы было проанализировать научную критику на произведение И.А. Гончарова «Обломов». В теоретической части мы рассмотрели литературную критику в зеркале разных времен. Это помогло нам в аналитической части, т.к. материалом для нас послужили научные статьи разных эпох. Например, чтобы понять советскую критику, нам следовало посмотреть на материал глазами советского читателя. Поэтому в теоретической части мы описали изменения, которые происходили в литературной институции в каждую эпоху.

В аналитической части мы просматривали критику трех разных эпох: XIX века, советскую и современную. Критика XIX века представляет для нас наибольший интерес, т.к. она вышла в свет сразу после выхода самого романа «Обломов». Критические статьи таких критиков, как Н.А. Добролюбов, А.В. Дружинин и Д.И. Писарев были признаны читателями и оценены даже самим Гончаровым. Их критические статьи отражают в себе самую первую рецепцию читателей. Исходя из просмотренных нами статей, мы можем сделать вывод, что отношение критиков к Обломову, по большей части, негативное. Они осуждают его за апатию, за неподвижный образ жизни и за то, что, будучи баринном, и имея большие шансы хорошо устроить свою жизнь, он вместо этого проводит свои дни, укутавшись в старый халат и лежа на диване, в то время, как активные и желающие пробиться вперед люди, не имеют на это столько же возможностей.

Из трех критиков XIX века только Дружинин снисходительно относился к личности Обломова, пытаясь в своей статье доказать, что Обломов никак не провинился перед читателями и поэтому не заслуживает суровой критики. В работе Дружинина заметно его теплое отношение к герою романа – он призывает читателей не судить главного героя за то, какой он есть. Критики XIX века одинаково поясняют значение слова «обломовщина» и его происхождение. Корни обломовщины они видят в той среде, в которой вырос Обломов. Саму обломовщину критики видят в его образе жизни и в самом Обломове. Раскрывая понятие «обломовщина», критики затрагивают русскую жизнь, видя в Обломове отражение русской жизни. Как писал Дружинин, Гончаров показал в своем произведении целую жизнь эпохи XIX века, а также жизнь общества и сферы. Критики даже приводят в пример некоторых других русских литературных героев в доказательство того, что в них существовала скрытая

обломовщина, которую можно увидеть при тщательном анализе поведения и образа жизни этих героев.

Негативное отношение к главному герою во многом объясняется негативным отношением критиков к помещикам. Поэтому позиции критиков, осуждающих Обломова за его нежелание жить активной жизнью и наполнять её переменами, сходны. Подобное отношение проявилось в связи с кризисом феодально-крепостнической системы в России XIX века, когда в обществе стал происходить процесс перехода от феодально-крепостнического хозяйства к капиталистическому. Критики уверены, что под давлением общества даже сам Гончаров сначала недолго любил Обломова, но затем раскрыл его личность для себя, работая над главой «Сон Обломова». Критики XIX века отмечают, что при другом воспитании и при других обстоятельствах жизни, Обломов был бы способен заниматься делом, милым его душе.

Советская критика на роман «Обломов» очень интересна для нас, поскольку в советское время, насыщенное советской идеологией, смотрели по-другому на это произведение. Можно сказать, что эта критика является в какой-то степени уникальной. Для того, чтобы понять советскую критику, нам нужно было взглянуть на нее глазами советского читателя. Как пишет Добренко, в советское время произошел процесс изменения читательской массы, и для нас очень важно было понять те факторы и ту логику, согласно которым осуществлялся этот процесс в советских условиях. Советский читатель являлся не только реципиентом, но также и объектом для так называемой «перековки человеческого материала». (Добренко 1997: 11–12.) Этот процесс мы частично заметили в выбранных нами критических статьях Лошица и Цейтлина. Лошиц отметил, что Обломов является персонажем подлежащим строгой критике, поскольку неактивная жизненная позиция, ленность и нежелание реализовать свои умственные способности на благо общества, были несовместимы с моральными принципами советского человека. (Лошиц 1977: 92). Также Лошиц отчетливо видит тему сказочной мифологии в романе. Обломов жил, как в одной из сказок, которые ему постоянно рассказывала няня. Рассказывая маленькому Илье Обломову легенды о лешем, об огненных шарах и о диких зверях, бросающихся внезапно на человека, едва ступившего за порог, няня рисовала специфическую картину в сознании и воображении ребёнка. Он представлял себе потерянных в жизни людей, которые чувствовали себя слабыми и пытались найти ответ на таинственные вопросы окружающей их природы. (Гончаров 2009: 116–117.) Сказочно-мифологическая тема настолько охватила все

пространство романа, что в итоге сказка и реальность окончательно потеряли свои границы. Обломову уже стало казаться, что он сам живет в подобной сказке, где в реках течет мед, а люди ходят в золоте. Советские критики с осуждением отнеслись к этому, поскольку, согласно советской идеологии, всего в жизни следовало добиваться непрерывным трудом. Образ жизни Обломова шел в абсолютный разрез с этой идеологией и полностью осуждался. Лошиц растолковал весь образ Обломова, как оторвавшегося от общества человека – обломка. Что такое обломовское существование, писал Лошиц, как не обломок той жизни, которую Обломов проживал в Обломовке, являющейся тоже в какой-то степени обломком (Лошиц 1977: 60).

Цейтлин писал об использовании образа Обломова в целях борьбы с дворянско-буржуазным отношением к труду. Цейтлин ссылался в своей статье во многом на исследование В.И. Ленина о развитии капитализма в России. Согласно исследованию, образ Обломова влиял негативно на развитие производства, т.к. сам Обломов получал постоянных доход без труда и усилий. То окружение, в котором вырос Обломов, наполнено принципами, также тормозящими производство. В подобной обстановке, как писал Цейтлин, жизнь не бьет ключом и не приносит пользы. В советских критических статьях мы заметили явный советский взгляд на произведение. Например, Лошиц, характеризует Обломова как бездеятельного, постоянно мечтающего человека, в котором присутствует «философия абсолютного покоя» и абсолютного бездействия. В любом обществе реальная жизнь человека немыслима без планов, действиями в достижении своих целей. Поэтому, по мнению Лошица, это сказочно-мифологический образ. Советские критики отметили, что Обломов умирает, так и не приняв участия в работе общества, не познав великих подвигов, а вместе с этим и радостей этого мира.

Современная критика отличается обширным кругом тем, рассматриваемых критиками в романе. Критика не ограничивается так строго, как в советское время, и не несет в себе такой сильный уклон на тему о жизни барин и крестьян, как это было в XIX веке. Согласно нашим наблюдениям, современная критика более лояльна к образу Обломова. Э.Я. Фесенко уделяет особое внимание главному герою, пытаясь понять, как сформировался его характер, в каком направлении шло общее развитие маленького Ильи и к чему оно привело его уже в зрелом возрасте. Фесенко очень поэтично описывает маленького Обломова, сравнивая его с экзотическим, ледяным цветком, выросшем в изолированном месте. Критик обращает внимание читателя на психологическое состояние главного героя, на внутренние

переживания и душевные страдания Обломова, которые он испытывал, раздумывая о смысле жизни и о том, в чем смысл полученных им знаний. Фесенко также подробно описывает внутренний мир Обломова, словно переживая за то, как главный герой мучился от чувства страха, смятения или неуверенности. В своей критике литератор даже не допускает сравнения Обломова с другими русскими героями, т.к. считает, что равного ему невозможно найти ни у одного русского писателя. Таким образом, мы видим, что отношение современных критиков к Обломову намного лучше, по сравнению с критиками других эпох. Даже корни обломовщины они видят не в самом Обломове или его родном гнезде, а в «незрелости общества». В отличие от критиков XIX века, персонажи романа не делятся на социальные расслоения, а помещики и крестьяне называются одним словом «народ». Автор признает изолированность Обломовки, но подчеркивает, что здесь речь идет об изоляции полностью всей Обломовки, вместе с помещиками и крестьянами, поэтому критик не видит смысла в проведении черты между этими двумя классами общества. Здесь мы вновь заметили трепетное отношение критика к Обломову. Анализируя современные статьи, мы не увидели ажиотажа и рвения раскритиковать деятельность и образ жизни Ильи Обломова, как это было сделано в критике XIX века и в советской критике. Современная критика больше сосредоточилась на подробном анализе личности Обломова, а также на личностях других персонажей. Автор обращает внимание на чувства, желания и раздумья героев.

Подводя итоги нашего исследования, мы можем сказать, что нашли подтверждение поставленной нами гипотезе о том, что критики разных времен видели, как произведение Гончарова, так и образ самого Обломова по-разному, исходя из того времени и того общества, в котором жили. Критики XIX века находились под влиянием происходящих в то время перемен, касающихся кризиса феодально-крепостнической системы. Критики советского времени несли в себе советскую идеологию, с целью активного влияния на сознание читателей. У современных критиков поле деятельности является более широким. Они не находятся под тем влиянием, под которым находились критики XIX века, а также под влиянием советской идеологии. По этой причине они рассматривают произведение «Обломов» более разносторонне и независимо. Как мы писали в теоретической части, каждую критическую статью следует рассматривать во взаимосвязи с эпохой и конкретным историческим временем написания. Мировоззрение критика и его связь с определенными слоями общества влияют на его оценку произведения.

Для дальнейшего исследования было бы интересно обратить внимание на критику иностранных писателей, а также на их точку зрения, с которой они смотрят на произведение И.А. Гончарова. Например, узнать, как на роман «Обломов» смотрели в советское время, но за пределами Советского Союза, где не существовало таких жестких ограничений, и где не было советской идеологии. Также было бы интересно узнать, как эта критика отличается от современной критики. Кроме этого можно было бы провести параллель с критиками, выбранными нами для нашего исследования.

Библиография

Добролюбов, Н.А. 1961. Литературная критика. Москва: Государственное издательство художественной литературы.

Дружинин, А.В. 1991. Обломов. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике. Под ред. М.В. Отрадина. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.

Лошиц, Ю. 1977. Гончаров. Москва: «Молодая гвардия».

Писарев, Д.И. 1991. Обломов. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике. Под ред. М.В. Отрадина. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.

Фесенко, Э.Я. 2013. Русская литература в поисках героя. Москва: Академический Проект.

Цейтлин, А.Г. 1950. И.А. Гончаров. Москва: Издательство Академии Наук СССР.

Duncan, Hugh D. 1967. Kirjallisuus yhteiskunnallisena instituutiona. *Tekijät, tulkit, kokijat. Esseitä ja tutkimuksia taiteen tekemisestä, välittymisestä ja vastaanottamisesta*. Toim. Irmeli Niemi. Tammi: Helsinki, s. 195–213.

Huotari, M., Hurskainen, L., Varpio, Y. 1980. Kirjallisuuskritiikki Suomessa. 1: johdatusta kirjallisuuskritiikin tutkimiseen. Kirjastopalvelu Oy: Helsinki.

Jauss, Hans Robert. 1983. Kirjallisuushistoria kirjallisuustieteen haasteena. *Kirjallisuudentutkimuksen menetelmiä*. Toim. Nevala, Maria-Liisa. WSOY:n graadiset laitokset: Juva.

Jauß, Hans Robert. 1970. Literaturgeschichte als Provokation. Suhrkamp Verlag: Frankfurt am Main.

Krohn, L. 2007. Kirjallisuuden uusjaosta. Kirjan matka tekijöiltä lukijoille. Toim. Hypen, T-L. Tampereen yliopistopaino Oy: Tampere, s. 25–31.

Mathewson, R. 1958. The Positive Hero in Russian Literature. Stanford University Press: Stanford, California.

Soikkeli, M. Kirjallisuuskritiikki portinvartijana. Kirjan matka tekijöiltä lukijoille. Toim. Hupen, T-L. Tampereen yliopistopaino Oy: Tampere, s. 143–151.

Varpio, Yrjö. 1977. Kirjallisuuskritiikki. Tampereen yliopiston keskusmonistamo: Tampere.

Varpio, Yrjö (toim.) 1982. Kirjallisuuskritiikki Suomessa. 2: kirjallisuuskritiikin väyliä ja rakenteita. Kirjastopalvelu Oy: Helsinki.

Берг, М. 2000. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. Москва: Новое литературное обозрение.

Гончаров, И. 2009. Обломов. Москва: Издательство АСТ МОСКВА.

Гудков, Л. Дубин, Б. 1994. Литература как социальный институт. Типография №6 Военного издательства МО РФ. s.l.

Гюнтер, Х. 2011. Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932–1940. *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*. Отв. ред. Е. Добренко, Г. Тиханов. Москва: Новое литературное обозрение, с. 248–279.

Добренко, Е. 2011а. Русская литературная критика: история и метадискурс. *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*. Отв. ред. Е. Добренко, Г. Тиханов. Москва: Новое литературное обозрение, с. 5–36.

Добренко, Е. 2011б. Литературная критика и институт литературы эпохи войны и позднего сталинизма: 1941–1953. *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*. Отв. ред. Е. Добренко, Г. Тиханов. Москва: Новое литературное обозрение, с. 368–416.

Добренко, Е., Калинин, И. 2011. Литературная критика и идеологическое размежевание эпохи оттепели: 1953–1970. *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*. Отв. ред. Е. Добренко, Г. Тиханов. Москва: Новое литературное обозрение, с. 417–476.

Егоров Б. 1982. Литературно-критическая деятельность В.Г. Белинского. Москва: Просвещение.

Конди, Н., Купсан, Е. 2011. Литературная теория и возрождение академизма в постсоветской России. *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*. Отв. ред. Е. Добренко, Г. Тиханов. Москва: Новое литературное обозрение, с. 723–760.

Кулешов В. 1978. История русской критики XVIII –XIX вв. Москва: Просвещение.

Липовецкий, М., Берг М. 2011. Мутации советскости и судьба советского либерализма в литературной критике семидесятых: 1970–1985. *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*. Отв. ред. Е. Добренко, Г. Тиханов. Москва: Новое литературное обозрение, с. 477–532.

Нахов, И.М. 1982. Философия киников. Москва: Издательство «Наука».

Недзвецкий, В. 1992. И.А. Гончаров – романист и художник. Москва: Издательство Московского университета.

Прозоров В. 2002. История русской литературной критики. Москва: Издательство «Высшая школа».

Пушкарев, С.Г. 1956. Россия в XIX веке (1801–1914). Нью-Йорк: Издательство имени Чехова.

Газеты:

Бочаров, А. 1997. Особая статья. Вопросы литературы, Март-Апрель 1997, с. 18.

Говорухина, Ю.А. 2010. Метод современной литературной критики. *Вестник Томского государственного университета*, N 333/2010.

Кормилов, С. 1997. Мировая литература, литературные ряды и их история. *Вопросы литературы*, Март–Апрель 1997, с. 32.

Словари:

Фелицына, В.П., Шмелева И.Н. (ред.) 1961. Словарь современного русского литературного языка 1955-1961. Москва, Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.

Материалы, опубликованные в Интернете:

Biography. Биографии писателей. <<http://biography.5litra.ru/124-dobrolyubov-nikolaj-aleksandrovich.html>> [Просмотрен 8.6.2014]

БЗЛ. Биографии знаменитых людей. <<http://biography-peoples.ru/index.php/p/item/566-pisarev-dmitrij-ivanovich>> [Просмотрен 19.6.2014]

Куб. Электронная библиотека. <<http://www.koob.ru/tseytlin/>> [Просмотрен 10.7.2014]

Ученые России. <<http://www.famous-scientists.ru/6070/>> [Просмотрен 25.6.2014]

ФСК. Форум славянских культур <<http://www.sklaviny.ru/avtory/sklaviny/loshic.php>> [Просмотрен 5.7.2014]

Хронос. Всемирная история в Интернете. <http://www.hrono.ru/biograf/bio_d/druzhinin_av.php> [Просмотрен 12.6.2014]